Интерфакс

Говорить, что все проблемы в сфере нераспространения ядерного оружия сводятся к Ирану и КНДР, было бы грубым упрощением

Москва. 6 сентября. INTERFAX.RU - 7-8 сентября в Москве пройдет конференция по нераспространению. В преддверии этого события замглавы МИД России Сергей Рябков рассказал в интервью обозревателю "Интерфакса" Тимуру Хурсандову об основных темах предстоящей конференции, главных задачах в сфере нераспространения, ситуации с ОМУ и другими вооружениями в различных регионах мира.

- Сергей Алексеевич, что будет в центре внимания предстоящей конференции (Московская Конференция по нераспространению, проводимая 7-8 сентября Центром энергетики и безопасности)? Вообще, какие задачи наиболее актуальны сегодня в сфере нераспространения?

- Конференция, которая состоится в Москве в пятницу и в субботу, это без преувеличения долгожданное событие. Я бы не стал выделять какие-то сюжеты из всего набора вопросов, которые там будут рассмотрены, но хотел бы обратить внимание на несколько тем, которые без сомнения будут обсуждены.

Ситуация в области режима нераспространения оружия массового уничтожения достаточно сложна. Глобальные и региональные вызовы режиму нераспространения известны, они существуют, и дипломаты занимаются этим на многих площадках. Что такое дипломатическая работа? Это изложение своей позиции, попытка с тем или иным успехом, с той или иной степенью результативности убедить партнера в собственной правоте, затем – попытка договориться на какой-то взаимоприемлемой основе. Когда-то это получается, когда-то – нет. А конференции подобного рода – это мозговой штурм в прямом смысле слова.

Состав участников достаточно впечатляющ. Вопросы будут рассматриваться в свободном ключе о будущем Договора о нераспространении ядерного оружия, о влиянии ситуации в сфере нераспространения на перспективы разоружения. Это два очень крупных блока, которые сейчас все больше выходят на передний план в дискуссиях политологических кругов, общественность все больше этим занимается. И, конечно, региональные вызовы: Северная Корея, Иран, вообще ситуация на Ближнем Востоке, перспективы создания зон, свободных от оружия массового уничтожения, безъядерных зон. Причем мы говорим не только о ближневосточной зоне, свободной от оружия массового уничтожения, но и, например, о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, в Центральной Азии и так далее.

То есть, на два дня тем для обсуждения хватит с запасом, и мы ожидаем оживленной дискуссии.

- Россия и США уже давно заявляют, что к ядерному разоружению должны постепенно подключаться и другие страны. В каком формате могла бы обсуждаться эта тема? Есть ли хотя бы приблизительные сроки переговоров по этому поводу? И все ли готовы к разговору?

- Вы правы в том, что мы уделяем большое внимание тому, как придать процессу разоружения, в том числе – ядерного, многосторонний характер. Об этом говорит сама

логика переговоров и диалога в этой сфере, об этом говорит реальная ситуация в военно-политической области.

Когда счет на боеголовки шел на десятки тысяч, когда в разгаре была "холодная война", понятно было, что значимость ядерных потенциалов государств, которые по количеству единиц находились на порядок, если не на порядки, ниже того, что накопили две сверхдержавы, была гораздо меньше. Если называть вещи своими именами, то в тот период, в 70-80-е годы, этими потенциалами можно было просто пренебречь. За прошедшие годы в силу множества причин, в том числе – в результате выполнения серии двусторонних договоренностей между Москвой и Вашингтоном, мы подошли к уровням – как по боезарядам, так и по носителям, - которые, конечно, все еще существенно превышают запасы этих вооружений, потенциалы в этой области, которые есть у других ядерных держав, но все равно - это уже другой порядок цифр.

Совокупный баланс сил в мире складывается сейчас из очень многих факторов. Все большее значение приобретают такие виды вооружений, такие технологии, как противоракетные, как возможность выведения оружия в космическое пространство. Естественно, мы не можем оставлять в стороне, например, создаваемый в США потенциал глобального молниеносного удара с применением обычных боезарядов. Я уже не говорю о той ситуации, которая сложилась в сфере обычных вооружений, где существуют большие дисбалансы. Взаимосвязь всех этих факторов для нас очевидна, и без комплексного подхода к решению проблем, возникающих в связи с технологическими рывками, какими-то политическими решениями, мы просто не сможем никуда продвинуться.

Та же логика применима к вопросу о том, нужно или не нужно учитывать ядерные потенциалы других государств. Не просто нужно, а это императив! Без их учета мы дальше не пойдем. Сейчас вопросы контроля над вооружениями в ядерной сфере и примыкающие к ним темы обсуждаются в формате "пятерки" ядерных государств в Женеве и не только там. Мы нащупываем подходы к коллективному решению этих проблем.

Есть и более сложная, но оттого не менее насущная задача – обеспечить в процессе дальнейшего диалога и переговоров учет потенциалов, которыми располагают государства, не являющиеся сторонами Договора о нераспространении ядерного оружия, но при этом имеющие возможности в этой сфере. Если называть вещи своими именами, то пока мы не выработали общеприемлемые основы того, как эти потенциалы могут быть учтены в той дискуссии, которая идет. Но Россия, будучи страной, приверженной своим обязательствам по Договору о нераспространении ядерного оружия, в том числе – шестой статье этого договора, где речь идет о ядерном разоружении, будет этим заниматься. Мы не пойдем ни на какие односторонние шаги в этой сфере. Все должно быть сбалансировано, иначе мы будем действовать безответственно в отношении собственной безопасности.

- На Западе устоялось клише, что основные угрозы нераспространению – это Иран и КНДР. Действительно ли именно они представляют главную опасность или есть какие-то риски, о которых мало говорят, но они намного серьезнее и могут иметь далеко идущие последствия?

- Вопрос непростой, и он связан с тем, что технологический прогресс, в том числе – в сферах, которые имеют двойное – военное и гражданское - применение, налицо, он продолжается и его не остановить. И дело не в том, чтобы его остановить, а как раз в том, чтобы в полном объеме выполнить положения того же Договора о

нераспространении ядерного оружия. Этот договор, если свести его смысл к одной фразе, заключается в том, что все страны имеют право на мирное развитие атомной энергии при условии, что распространения ядерного оружия в мире происходить не будет, а государства, которые на момент подписания договора такое оружие уже имели, будут заниматься его сокращением. Вот смысл той фундаментальной договоренности, которая лежит в основе Договора о нераспространении ядерного оружия.

С годами появились страны, которые усматривают в этой договоренности попытку тех государств, которые на момент подписания ДНЯО уже имели ядерный оружейный потенциал, закрепить свое превосходство в этой сфере. Такой смысл в документ изначально не закладывался. Но дискуссия вращается вокруг этих вопросов, и некоторые страны имеют склонность двигаться к рубежу, когда можно было бы совершить решающий рывок к обладанию ядерным оружием.

К сожалению, КНДР эту черту переступила и официально объявила о выходе из ДНЯО. Это серьезный удар по глобальному режиму нераспространения, мы это не отрицаем и говорим об этом открыто. После этого опыта, естественно, в сотрудничестве с другими странами мы прилагаем дополнительные усилия для того, чтобы обеспечить логику поддержания глобального мира и безопасности более эффективно. На это нацелены российские усилия не только в ходе работы по обзорному переговорному процессу по ДНЯО, но и в экспортно-контрольных режимах, в различных форматах - таких как, например, Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера, Режим контроля за ракетной технологией.

Есть и другие направления, где также нужно находить разумный баланс между интересами технологического развития, интересами бизнеса, внедрения новых технологий в экономику и в общественную жизнь и ограничениями, которые должны накладываться на безудержное, бесконтрольное наращивание опасных военных потенциалов. Это сложный процесс, потому что интересы весьма противоречивы.

Говорить, что все в сфере нераспространения сводится только к иранской и северокорейской ядерным программам, было бы грубым упрощенчеством и политизированным взглядом на вещи. Есть много конкретных ситуаций с целым рядом стран, которыми надо заниматься. И мы этим занимаемся. Просто не нужно эти ситуации выкладывать в Интернет, в YouTube и прочее, это не всегда полезно. Дипломатия, как росток лесной землянички, - если на нее направить слишком много света или журналистского жара, она завянет и никакой ягодки не будет. Поэтому иногда лучше поберечься.

- Когда говорят о нераспространении, обычно подразумевают ядерное оружие. Однако последние события на Ближнем Востоке, в частности – в Сирии, показали, что актуальна и тема химического оружия. Какова ситуация в этой сфере? Достаточна ли существующая нормативно-правовая база по контролю над этим типом вооружений, его сокращению?

- Конвенция о запрещении химического оружия – это один из наиболее фундаментальных, хорошо отработанных и качественных многосторонних инструментов в сфере разоружения и нераспространения. Россия в полном объеме привержена своим обязательствам по этой конвенции, программа уничтожения российского химоружия продолжается полным ходом.

К сожалению, как это часто бывает с многосторонними документами в сфере разоружения и нераспространения, данная конвенция тоже не является в полном смысле слова универсальной. Есть несколько государств, и среди них Сирия, которые не являются сторонами данной конвенции. То есть, строго говоря, обладание химическим оружием Сирией не является нарушением этой конвенции, каких-либо обязательств.

Но обстановка в стране исключительно сложная, и вопрос о безопасном, надежном хранении химического потенциала стоит. Мы полностью уверены – и имеем на этот счет официальные подтверждения из Дамаска – что правительством этой страны принимаются все надлежащие меры по обеспечению сохранности химического арсенала. Разумеется, мы исключаем вариант, когда химоружие Сирии может быть применено в боевых целях. Эта тема в нашем диалоге и с Дамаском, и с другими столицами тоже присутствует.

- Вы уже затронули один из самых острых вопросов сфере нераспространения – ситуацию вокруг иранской ядерной программы. Как Вы оценивает обстановку с ИЯП на нынешнем этапе? Действительно ли она набирает пугающие обороты и не сегодня-завтра перевалит к военной составляющей, как этого опасаются на Западе?

- Не знаю, что вы имеете в виду под этими сигналами со стороны Запада. В принципе, сигналы с Запада поступают разные в части того, как скоро иранская ядерная программа может быть переориентирована на какие-то военные цели.

Хочу сказать, что мы по-прежнему не видим никаких признаков того, что в ядерной программе Ирана есть военное измерение. Никаких признаков. Мы видим другое - то, что есть ядерный материал, который нарабатывается в Иране и который контролируется инспекторами, специалистами МАГАТЭ. Этот ядерный материал не переключается на военные нужды, что официально подтверждено агентством.

Но, сказав это, я не могу не сказать и то, что, признавая право Ирана на мирное использование атомной энергии, мы должны помнить о том, что права не бывают без обязанностей. И иранской стороне, на наш взгляд, следует более активно и интенсивно взаимодействовать с тем же Международным агентством по атомной энергии для того, чтобы, в частности, снять остающиеся у агентства вопросы, то есть - обеспечить во взаимодействии с МАГАТЭ восстановление доверия международного сообщества к сугубо мирному характеру иранской ядерной программы. Потому что полного доверия в этом плане нет, не все вопросы закрыты, и здесь есть еще над чем поработать.

Мы также хотим дальнейшего прогресса на переговорах "шестерки" международных посредников с Ираном. Россия активно участвует в этом переговорном процессе. Как вы помните, последний полноформатный раунд на уровне Высокого представителя ЕС и политических директоров "шестерки" состоялся в Москве. После этого контакты не были свернуты, они продолжились на других уровнях. То есть, сейчас никакой паузы в диалоге нет, он продолжается. Но нужно интенсифицировать эти усилия, потому что, в конечном счете, если ситуация вокруг иранской ядерной программы будет оставаться в нерешенном виде, если не произойдут сдвиги к лучшему, вновь появится тенденция к нарастанию напряженности, к эскалации. Этого мы хотели бы избежать.

Мы предупреждаем тех, кто не чужд силовых решений, во всяком случае тех, кто серьезно обсуждает возможность подобных решений, что это было бы пагубно, в буквальном смысле губительно для региональной стабильности, вызвало бы глубокие

потрясения в сфере безопасности и в сфере экономики, которые отзовутся далеко за пределами ближневосточного региона. Этого допустить нельзя.

- Если говорить о возможности военного решения... Кандидат в президенты США Митт Ромни заявляет, что в случае его прихода к власти он не будет так бояться войны в Иране, в Сирии. Не могли бы Вы это прокомментировать?

- Мне кажется, что в США среди политиков, причем независимо от партийной принадлежности, сформировался в прямом смысле образ врага в отношении Ирана. К сожалению, подобного рода стереотипы, фантомы могут столкнуть в пропасть. Мы имеем множество примеров в прошлом, когда на основании ложных представлений о чем-то принимались далеко идущие, крайне опасные решения. Поэтому надо смотреть на вещи трезво, не давать волю эмоциям. Стиль мышления, замыкающийся на то, что, если не помогают палочные методы, надо прибегнуть к военной силе, свойственен, к сожалению, некоторым политикам в США, представляющим обе партии. Нас это тревожит, но мы ведем и будем продолжать спокойную разъяснительную работу с тем, чтобы все-таки внедрить в сознание этих политиков понимание того, что в интересах самих же США воздерживаться от подобных решений.

- Если позволите, хотелось бы ненадолго отвлечься от нераспространения и продолжить тему США. Тот же Ромни заявляет, что и по отношению к России будет в случае победы выстраивать намного более жесткую линию. Не беспокоит ли это российскую сторону? Действительно стоит ждать охлаждения?

- Посмотрим, что будет после 6 ноября, как сложится политический ландшафт в Америке после выборов. В связи с выборами довольно много вопросов, и это не только вопрос о том, кто станет следующим президентом, но и вопрос о том, как распределится контроль за палатами Конгресса США. Мы знаем, что в последний период - после того, как республиканцы на промежуточных выборах два года назад укрепили свои позиции в обеих палатах, - администрации Обамы стало сложнее работать с Конгрессом, в том числе по внешнеполитической проблематике. Мы имеем несколько примеров, когда в результате определенного воздействия со стороны оппозиции администрация принимала решения, которые не шли на пользу российско-американскому партнерству. Я имею в виду и целый ряд оговорок, которые были сделаны в ратификационном пакете по договору о СНВ, и пресловутое законодательство имени Магнитского, которое продолжает обсуждаться в США.

То есть, я бы не персонифицировал те или иные тенденции в российско-американских отношениях, не замыкал бы их на конкретных личностей. Мы всегда имеем дело с совокупностью факторов, и драматизировать какие-то отдельные заявления мы не хотим, хотя, конечно, все это внимательно отслеживаем и тщательно анализируем.

- США и ЕС продолжают вводить односторонние санкции против Тегерана. Есть ли опасность, что эти санкции могут затронуть интересы российских ведомств, компаний, организаций? Какими будут в этом случае ответные меры?

- Мы не можем согласиться с экстерриториальным применением американского законодательства, а в данном случае речь идет именно об этом. Мы считаем подобные приемы грубым нарушением основополагающих принципов международного права. Вообще, основа любых межгосударственных отношений, в нашем понимании, не должна содержать подобные элементы. К сожалению, приходится констатировать, что в последнее время склонность использовать санкции для достижения целей, которые в

принципе недостижимы путем нажима, давления, превратилась в страсть, с которой не могут совладать ответственные политики по обе стороны Атлантического океана. Это отражает незрелость мышления политиков, которых жизнь, к сожалению, ничему не учит. Ни одно государство, ни один политический деятель, который находится на вершине власти, никогда не пойдет на уступки под нажимом извне. Законы международной жизни диктуют другое – нужно договариваться, нужно искать компромиссы, либо, если компромисс по каким-то причинам невозможен, нужно продолжать действовать путем убеждения.

А санкционные и другие принудительные меры в цивилизованном мире допустимы только по решению Совета Безопасности ООН, коллективного органа. Коль скоро все страны или практически все присоединились к Уставу ООН, являются членами этой организации, они обязаны следовать ее правилам. Соответственно, только в условиях прямой угрозы международному миру и безопасности допустимо обращение к главе VII Устава, которой предусматриваются меры санкционного воздействия. Для этого нужно, чтобы Совет Безопасности коллективно пришел к выводу, что такая угроза международному миру и безопасности существует. А применять санкции произвольно… Так мы можем дойти до того, что станут применять санкции, если кому-то не понравится цвет глаз руководителя, находящегося у власти в стране за 10 тысяч километров. Нет же пределов человеческой фантазии.

- О тактическом ядерном оружии в Европе сегодня вспоминают нечасто. Эта тема "заморожена"? Ведется ли какой-либо диалог на эту тему. Может ли, по Вашим оценкам, в обозримом будущем произойти вывод американского ядерного оружия из Европы?

- Диалог продолжается, он не сворачивался.

Я вам скажу, когда это оружие может быть выведено из Европы – когда соответствующее решение будет принято США и их союзниками по НАТО. Но это решение, на наш взгляд, должно включать не просто указание убрать из определенных точек, с определенных складов сами боезаряды, но и задачу ликвидации инфраструктуры для их возвращения. Нужно ликвидировать сами базы и все остальное, что требуется для такого возврата. В противном случае подобное решение будет девальвировано. Если мы говорим о возвратном потенциале, то при современных технологиях потребуются в буквальном смысле часы для того, чтобы все вернуть на место, если инфраструктура будет сохранена.

Пока мы не видим признаков того, что НАТО всерьез рассматривает данный вопрос. Наоборот, решения руководящих органов альянса, в том числе Чикагского саммита, подтверждают, что НАТО на обозримую перспективу останется ядерной, а это означает, среди прочего, что определенное количество тактических ядерных боезарядов будет, видимо, и дальше находиться на территории европейских союзников США.

Для нас это часть уравнения стратегической стабильности, о котором мы говорили в самом начале, и ТЯО – среди целого ряда факторов, которые нужно учитывать, прежде чем даже подступаться к разговорам о каких-то дальнейших шагах.

- США заявляют, что готовы продолжать переговоры по контролю за вооружениями, по разоружению, но без привязки к ПРО. Приемлема ли для нас такая постановка вопроса?

- Вы знаете, в преамбуле Договора о СНВ записано очень важное положение о неразрывной связи стратегических наступательных и стратегических оборонительных

вооружений. После выхода США из договора по ПРО сложилась новая ситуация, когда бесконтрольное развитие возможностей и в той, и в другой области может существенным образом подорвать стратегическую стабильность. Поэтому запись в новом договоре, подтверждающая фундаментальную логику, основу стратегической стабильности в том виде, в котором она складывалась в течение десятилетий, начиная с 70-х годов прошлого века, имеет исключительное значение. На практике это означает, что нашу политику в сфере СНВ мы будем выстраивать во многом в зависимости от того, что будет происходить в области ПРО.

Американцы эту логику понимают, и они ее не отрицают. Во всяком случае, те, кто поддерживает Договор о СНВ, не оспаривают правомочность подобной записи и ее внутреннюю логику.

Поскольку взаимосвязь между СНВ и ПРО отменить нельзя, соответственно, дальше перед американской стороной выбор: либо развитие в сфере ПРО пойдет так, как оно идет сейчас – без каких бы то ни было признаков готовности учитывать российские озабоченности, и тогда, если так оно и будет продолжаться, с неизбежностью наступит момент, когда нам придется компенсировать происходящее некими действиями в сфере СНВ, чтобы обеспечить свою безопасность. Либо надо договариваться с Россией на взаимоприемлемой основе, чтобы наши озабоченности в сфере ПРО были сняты, и тогда России не придется предпринимать никаких шагов, которые бы не соответствовали логике ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений. По нашему убеждению, второй вариант со всех точек зрения лучше. Просто со всех. Он укрепляет безопасность и США, и России, он экономит средства, он лишает ситуацию в этой сфере дестабилизирующего элемента. Мы, наверное, не для того столько лет шли к новым договоренностям в сфере СНВ, чтобы потом оказаться в ситуации, когда в погоне за иллюзией укрепления собственной безопасности через создание глобальной ПРО американцами будет подорван с трудом наработанный позитив.

- Будет ли тема ПРО затронута на переговорах главы МИД РФ с госсекретарем США во Владивостоке? Собственно говоря, есть ли что обсуждать, или Россия и США окончательно зашли в тупик по этому вопросу?

- Встречи министра иностранных дел и госсекретаря – это всегда крупные события в двусторонних отношениях. В зависимости от актуальности вопросов международной и двусторонней повестки дня на каждый момент времени разговор выстраивается по-разному. Вопросы контроля над вооружениями и нераспространения всегда присутствуют на подобного рода встречах, но насколько подробно они будут рассматриваться, я предугадывать, разумеется, не берусь, потому что разговор живой, он идет по своим законам. Иногда бывает, что и времени может не хватить на подробный обмен мнениями по этим вопросам. Иногда бывает, что, наоборот, то, что нам, исполнителям, тем, кто готовит материалы к встречам, кажется не самым главным, попадает на передний план.

В Москве озабочены попытками подвергнуть ревизии положения Договора о нераспространении ядерного оружия

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - В Москве обеспокоены риском того, что оружие массового уничтожения может попасть в руки террористов.

"Серьезную тревогу, конечно, вызывает опасность попадания ядерных материалов в руки террористов", - заявил замглавы МИД РФ Сергей Рябков в пятницу, выступая на конференции по нераспространению.

В связи с этим дипломат подчеркнул важность соблюдения всеми странами Договора о нераспространении ядерного оружия.

"Альтернативы этому пути мы не видим, и в этой связи испытываем некоторую озабоченность попытками подвергнуть ревизии некоторые ключевые положения сложившейся системы", - отметил С.Рябков.

Москва выступает за проведение уже в этом году конференции по безъядерному Ближнему Востоку

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - В Москве надеются, что международная конференция по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, все-таки состоится в этом году.

"Полагаем нежелательным перенос ее сроков на 13-й год", - сказал замглавы МИД РФ Сергей Рябков, выступая на Московской конференции по нераспространению.

Он также высказал надежду на то, что в конференции примут участие все страны ближневосточного региона. Ранее сообщалось, что эта конференция может пройти до конца года в Хельсинки.

МИД РФ: пауз в переговорах шестерки и Ирана быть не должно

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - Высокопоставленный российский дипломат выступил против паузы в переговорном процессе между шестеркой международных посредников и Ираном по ядерной проблеме.

"Нельзя допускать, чтобы возникали здесь паузы", - сказал замглавы МИД РФ Сергей Рябков на конференции по нераспространению в Москве.

"Сама по себе переговорная логика, если возникает продолжительная пауза, приводит к тому, что потом участники переговоров как бы возвращаются к тем вопросам, которые уже можно считать отработанными, и теряется динамика. Мы не хотели бы, чтобы это произошло, и стремимся к продолжению переговорного процесса", - подчеркнул он.

В шестерку посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы входят пять членов Совета безопасности ООН - Россия, США, Франция, Великобритания, Китай, а также Германия.

Москва призывает Тегеран к расширению сотрудничества с МАГАТЭ

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - Замглавы МИД РФ Сергей Рябков считает, что Иран вполне добросовестно сотрудничает с МАГАТЭ, однако мог бы сделать и больше.

"Иранская сторона показала большую готовность к сотрудничеству с агентством", - сказал он в пятницу, выступая на конференции по нераспространению в Москве.

"Сотрудничество с агентством ведется вполне добросовестно. Мы в этом убеждены", - подчеркнул дипломат.

С.Рябков отметил, что МАГАТЭ неоднократно признавало, что все ядерные материалы Ирана подотчетны агентству, и никаких отклонений от заявленных списков нет.

"Мы не можем перечеркивать все то, что было сделано иранцами в плане сотрудничества с агентством, но считаем, что они могут сделать дополнительные шаги", - сказал дипломат.

Россия не оставит без ответа действия США в сфере ПРО в Юго-Восточной Азии, заявляют в МИД РФ

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - В России вновь выражают озабоченность в связи с планами США по развертыванию ПРО в Юго-Восточной Азии.

"Растущий американский потенциал в том, что мы называем Дальний Восток, азиатско-тихоокеанский регион не проходит незамеченным российской стороной. Мы отслеживаем то, что происходит в этой области", - сказал замглавы МИД РФ Сергей Рябков на конференции по нераспространению в Москве.

"Мы смотрим на то, что происходит между США и их союзниками в Азии. Там важные события происходят, много достигнуто", - сказал С.Рябков.

По его словам, обеспокоенность вызывают данные планы США, что связано как с технологиями, так и с самой географией и "со способностью США быстро развернуть эти активы в разных точках".

С.Рябков также напомнил о тех ответных мерах, о которых говорил 23 ноября 2011 года президент РФ Дмитрий Медведев в случае неуспеха на переговорах по ПРО.

Россия призывает Индию и Пакистан отказаться от ядерного оружия - МИД

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - В России хотели бы видеть Индию и Пакистан в рядах безъядерных государств.

"Мы считаем, что присоединение Индии и Пакистана к Договору о нераспространении ядерного оружия и превращение их в безъядерные государства было бы наилучшим решением многих ситуаций", - заявил замглавы МИД РФ Сергей Рябков в пятницу, выступая на конференции по нераспространению в Москве.

Россия представит США замечания по выполнению нового ДСНВ в конце сентября - МИД РФ

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - Россия имеет свой перечень вопросов для постановки перед американской стороной по итогам 18-ти инспекций, проведенных за год после подписания нового Договора об ограничении стратегических вооружений (ДСНВ), сообщил замглавы МИД РФ Сергей Рябков в пятницу в ходе Московской конференции по нераспространению.

"В целом, оценка (по итогам инспекций) положительная, но есть замечания, и эти замечания не предназначены для публичного обсуждения. Они предназначены для отработки в формате двусторонней консультативной комиссии, созданной по этому Договору, и ближайшая сессия этой двусторонней консультативной комиссии пройдет до конца сентября в Женеве", - сказал С.Рябков, отвечая на вопросы старшего научного сотрудника Военной академии Генштаба ВС РФ генерал-майор Мидыхата Вильданова.

М.Вильданов, в частности, интересовался, "какие сделаны основные выводы из результатов анализа контрольно-инспекционной деятельности российских инспекторов на объектах стратегических наступательных вооружений США?".

"Как известно, проведено 18 инспекций. И, видимо, вы скажете, что особых замечаний нет, есть только какие-то мелкие нарушения", - предсказал он.

"Но это явно не так, - недоумевает военный эксперт. - Во-первых, американцы уничтожают только первые ступени своих межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Поскольку они заявили, что согласно Договору, зачет уничтожения МБР ведется по первой ступени, в том время как мы уничтожаем всю ракету. "Во-вторых, грубо нарушается статья 13 ДСНВ в части, касающейся сотрудничества США и Великобритании. Всплывает незаявленное сотрудничество американской стороны с Великобританией, о котором стало недавно известно: об участии американской корпорации "Дженерал дайнемикс" в разработке ракетного отсека перспективной подводной лодки по программе "Преемник". Ну и много других примеров", - считает М.Вильданов.

"Почему российская сторона молчит по поводу нарушения американцами Договора об уничтожении ракет средней и меньшей дальности (РСМД), поскольку, проводя испытания системы ПРО, они в качестве ракеты-мишени изготавливают ракету средней дальности, а этап отработки их системы против ракет малой дальности уже прошел?", - задал еще один вопрос М.Вильданов.

В ответ С.Рябков заметил, что "как обычно, самые сложные вопросы поступают от ближайших друзей".

"Мы очень внимательно отслеживаем все те аспекты ситуации, о которой вы сказали, о которых вы пишете в ваших статьях", - сообщил он.

"По проблематике РСМД в связи с использованием баллистических ракет - мишеней - это тема не новая", - признал он.

"Она постоянно присутствовала в нашем диалоге с США. Этот диалог не прерван, хотя он имеет другие форматы, чем до сих пор", - сказал С.Рябков.

"Мы имеем свой перечень вопросов для постановки перед американской стороной, американцы, я подозреваю, тоже, наверное, изложат нам то, что они считают необходимым с учетом опыта обмена этими инспекциями", - считает С.Рябков.

"Здесь нет ничего такого, что не поддавалось бы обсуждению, и нет таких озабоченностей, которые нельзя было бы преодолеть путем нормальной, систематической и ответственной работы делегаций. Эти делегации - межведомственные, представители Минобороны РФ в этой работе принимают самое непосредственное участие", - напомнил С.Рябков.

"Мы с большой серьезностью подходим к вопросам, которые не решены или решены не до конца, но решению они поддаются за столом переговоров, а не с конференционного подиума в гостинице "Мариотт-Гранд", - уверен С.Рябков.

Москве и Вашингтону следует подумать, как сокращать нестратегические ядерные вооружения, считают в госдепе

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - В Вашингтоне считают, что России и США нужно приступить к сокращению нестратегических ядерных вооружений.

"Новый договор о СНВ - это важный шаг, но это только один шаг на долгом пути", - сказала и.о. замгоссекретаря США Роуз Гетемюллер в пятницу, выступая на Московской конференции по нераспространению.

"Нужно продумать, как проводить сокращения по категории нестратегических ядерных вооружений", - добавила она. Р.Гетемюллер признала, что пока в этой сфере возникает много вопросов, но отметила, что США и их союзники по НАТО готовы над ними работать.

"НАТО будет рассматривать свои шаги в рамках аналогичных шагов со стороны России", - подчеркнула она.

"Мы призываем Россию продолжить работу по повышению прозрачности, по сокращению ядерного оружия во всех категориях", - заключила американский дипломат.

Договор РФ и США о совместном сокращении угроз может быть продлен, считают в госдепе

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - США не исключают возможности продления действия российско-американского договора о совместном сокращении угроз.

"Мы могли был продолжать оказывать поддержку друг другу в преодолении вызовов. Я надеюсь, что мы можем продолжать работу в направлении продления и расширения договора. Как раз сейчас обсуждаются все эти вопросы", - сказала исполняющая обязанности заместителя госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Роуз Гетемюллер в пятницу на конференции в Москве по нераспространению.

Действие документа истекает в следующем году.

В Вашингтоне ждут, когда Москва поймет, что ПРО в Европе не даст США преимуществ первого удара

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС - ПРО США в Европе не сможет подорвать стратегический потенциал России, заверяет исполняющий обязанности заместителя госсекретаря США по вопросам контроля над вооружением и международной безопасности Роуз Гетемюллер.

"Мы с этим не согласны, потому что комбинация адаптивного подхода с нашими стратегическими наступательными вооружениями не даст преимуществ первого удара", - сказала Р.Гетемюллер на конференции по нераспространению в Москве в пятницу.

"Европейский поэтапный адаптивный подход - это очень ограниченная система. Она ограничена по своей миссии, предназначена для ограниченного круга задач, связанных с Югом и Ближним Востоком", - сказала она.

"Поэтому мы не считаем, что должна существовать какая-то озабоченность по поводу того, что это подорвет стратегические наступательные сдерживающие возможности РФ", - сказала она. "Конечно, Российская Федерация должна сама прийти к такому выводу, для этого мы должны продолжать сотрудничество", - добавила Р.Гетемюллер.

Интерфакс-АВН

Россия представит США замечания по выполнению нового ДСНВ в конце сентября - МИД РФ

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС-АВН - Россия имеет свой перечень вопросов для постановки перед американской стороной по итогам 18-ти инспекций, проведенных за год после подписания нового Договора об ограничении стратегических вооружений (ДСНВ), сообщил замглавы МИД РФ Сергей Рябков в пятницу в ходе Московской конференции по нераспространению.

"В целом, оценка (по итогам инспекций) положительная, но есть замечания, и эти замечания не предназначены для публичного обсуждения. Они предназначены для отработки в формате двусторонней консультативной комиссии, созданной по этому Договору, и ближайшая сессия этой двусторонней консультативной комиссии пройдет до конца сентября в Женеве", - сказал С.Рябков, отвечая на вопросы старшего научного сотрудника Военной академии Генштаба ВС РФ генерал-майор Мидыхата Вильданова.

М.Вильданов, в частности, интересовался, "какие сделаны основные выводы из результатов анализа контрольно-инспекционной деятельности российских инспекторов на объектах стратегических наступательных вооружений США?".

"Как известно, проведено 18 инспекций. И, видимо, вы скажете, что особых замечаний нет, есть только какие-то мелкие нарушения", - предсказал он.

"Но это явно не так, - недоумевает военный эксперт. - Во-первых, американцы уничтожают только первые ступени своих межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Поскольку они заявили, что согласно Договору, зачет уничтожения МБР ведется по первой ступени, в том время как мы уничтожаем всю ракету.

"Во-вторых, грубо нарушается статья 13 ДСНВ в части, касающейся сотрудничества США и Великобритании. Всплывает незаявленное сотрудничество американской стороны с Великобританией, о котором стало недавно известно: об участии американской корпорации "Дженерал дайнемикс" в разработке ракетного отсека перспективной подводной лодки по программе "Преемник". Ну и много других примеров", - считает М.Вильданов.

"Почему российская сторона молчит по поводу нарушения американцами Договора об уничтожении ракет средней и меньшей дальности (РСМД), поскольку, проводя испытания системы ПРО, они в качестве ракеты-мишени изготавливают ракету средней дальности, а этап отработки их системы против ракет малой дальности уже прошел?", - задал еще один вопрос М.Вильданов.

В ответ С.Рябков заметил, что "как обычно, самые сложные вопросы поступают от ближайших друзей". "Мы очень внимательно отслеживаем все те аспекты ситуации, о которой вы сказали, о которых вы пишете в ваших статьях", - сообщил он.

"По проблематике РСМД в связи с использованием баллистических ракет - мишеней - это тема не новая", - признал он.

"Она постоянно присутствовала в нашем диалоге с США. Этот диалог не прерван, хотя он имеет другие форматы, чем до сих пор", - сказал С.Рябков.

"Мы имеем свой перечень вопросов для постановки перед американской стороной, американцы, я подозреваю, тоже, наверное, изложат нам то, что они считают необходимым с учетом опыта обмена этими инспекциями", - считает С.Рябков.

"Здесь нет ничего такого, что не поддавалось бы обсуждению, и нет таких озабоченностей, которые нельзя было бы преодолеть путем нормальной, систематической и ответственной работы делегаций. Эти делегации - межведомственные, представители Минобороны РФ в этой работе принимают самое непосредственное участие", - напомнил С.Рябков.

"Мы с большой серьезностью подходим к вопросам, которые не решены или решены не до конца, но решению они поддаются за столом переговоров, а не с конференционного подиума в гостинице "Мариотт-Гранд", - уверен С.Рябков.

Пакистан имеет техническую возможность при необходимости разработать тактическое ядерное оружие - эксперт

(расширенная версия, добавлены высказывания Дюррани после третьего абзаца)

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС-АВН - Перспективы сделать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний жизнеспособным минимальны, считает бывший директор межведомственной разведки Пакистана Асад Дюррани.

"Пакистан и Индия не подписали его, и ситуация вряд ли изменится в будущем", - считает отставной генерал.

Он отметил, что "Пакистан имеет техническую возможность в случае необходимости разработать тактическое ядерное оружие".

"Подписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не отвечает интересам Пакистана", - считает А.Дюррани.

Он напомнил, что этот Договор не ратифицировали США, равно как и Китай.

"Индия оправдывает свои действия позицией Китая. У Пакистана же есть свои причины и аргументы. Мы связываем нашу позицию с позицией Индии, которая не подписала ДВЗЯИ. В этом контексте мы можем вспомнить и систему ПРО, и производство атомных подводных лодок в Индии", - аргументировал позицию своей страны А.Дюррани.

По оценке отставного генерала, "ДВЗЯИ сам по себе не поставит барьер на пути распространения ядерного оружия". "В этом процессе надо учитывать интересы всех стран", - считает он.

Индия может ратифицировать ДВЗЯИ после США и Китая - эксперт

Москва. 7 сентября. ИНТЕРФАКС-АВН - Для ратификации всеми странами и вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) необходимо, чтобы его сначала ратифицировали страны-члены "ядерного клуба", считает президент Центра анализа проблем безопасности Индии, генерал-лейтенант в отставке Васанта Рао Рагхаван.

"Все ждут ратификации ДВЗЯИ странами - традиционными членами "ядерного клуба", - сказал В.Рагхаван в пятницу на Московской конференции по нераспространению, отвечая на соответствующий вопрос.

Отставной генерал добавил, что "необходимо убедить все страны - ядерные и неядерные - в полезности ДВЗЯИ для их безопасности".

Говоря о готовности Индии к подписанию Договора, В.Рагхаван отметил, что "ожидать, что Индия будет примером для всех, - неправильно".

Вместе с тем, по его мнению, "если США и Китай ратифицируют Договор, то у Индии будет мало логических обоснований не сделать того же".

Он подчеркнул, что "Индия неоднократно демонстрировала готовность присоединиться к Договору".

"После 1996 года, когда ДВЗЯИ был открыт к подписанию, мир изменился, Индия также изменилась, равно как ее взгляды на ДВЗЯИ", - считает отставной генерал.

Он напомнил, что в 1998 году Индия произвела испытания ядерного взрывного устройства и после этого объявила мораторий на испытания.

Что касается эффективности ДВЗЯИ, В.Рагхаван считает, что, "даже не вступив в силу, ДВЗЯИ мешает распространению со своей системой мониторинга, в составе которой в настоящее время насчитывается 250 станций".

В частности, по его мнению, система мониторинга "показала свою работоспособность в 2006 году, когда она зафиксировала взрыв малой мощности в КНДР".

В минувший вторник МИД РФ заявил, что полного запрещения ядерных испытаний не удается добиться из-за позиции ряда стран, в том числе - США.

"Что касается ДВЗЯИ, отмечаем, что к настоящему времени его ратифицировали три из пяти ядерных государств - Россия, Великобритания и Франция. США, несмотря на неоднократные заверения президента Барака Обамы ускорить процесс, договор так и не ратифицировали", - говорится в сообщении внешнеполитического ведомства.

К настоящему времени Договор подписало 182 государства, в том числе 41 государство из 44, необходимых для вступления договора в силу - не подписали только Индия, Пакистан и КНДР.

ИТАР-ТАСС

Россия к 2030 году построит 38 атомных блоков

МОСКВА, 8 сентября. /ИТАР-ТАСС/. Россия к 2030 году построит 38 атомных блоков. Об этом накануне сообщил заместитель генерального директора "Росатома" Николай Спасский, выступая на "Московской конференции по нераспространению - 2012".

"На сегодня на 10 АЭС у нас 33 ядерных атомных блока, - сказал Спасский. - Общая мощность составляет 24,2 ГВт. Вступили в последнее время в эксплуатацию еще два блока". "До 2030 года мы планируем запустить еще 38 атомных блока, в результате общая мощность российской ядерной энергетики достигнет 51 ГВт. Это приличная цифра", - заметил замглавы госкорпорации.

Он также подчеркнул, что Россия является лидером по строительству АЭС за рубежом, добавив при этом, что планируется строительство 21 блока за границей. "Экспортный контроль у нас самый строгий, мы неукоснительно следуем этой практике, - обратил внимание Спасский. - Мы берем на себя ответственность за сдачу в эксплуатацию объектов, а не просто сдаем проект под ключ". Россия, - продолжил замглавы "Росатома", - гарантирует и поставки топлива на АЭС". "Всегда предлагаем и настаиваем на подготовке специалистов, - заявил он. - Это императив".

Москва не видит альтернативы Договору о нераспространении ядерного оружия

МОСКВА, 7 сентября. /ИТАР-ТАСС/. Москва не видит альтернативы Договору о нераспространении ядерного оружия /ДНЯО/ и озабочена попытками ревизии нынешней системы нераспространения, заявил сегодня замминистра иностранных дел РФ Сергей Рябков на Московской конференции по нераспространению.

"Стартовавшей новый цикл рассмотрения действия ДНЯО требует от нас ставить более четкие цели и задачи в плане укрепления договора и режима нераспространения ядерного оружия в целом, - сказал он. - Мы испытываем озабоченность непрекращающимися попытками поставить знак вопроса перед будущим договора и подвергнуть ревизии некоторые ключевые элементы сложившейся системы".

"Россия готова и дальше продвигаться по пути проверяемых и необратимых сокращений ядерного оружия в соответствии с обязательствами по статье 6 ДНЯО", - заверил Рябков.

Вашингтон призывает РФ продолжить работу по сокращению ядерного оружия во всех категориях

МОСКВА, 7 сентября. /ИТАР-ТАСС/. Вашингтон призывает РФ продолжить работу по сокращению ядерного оружия во всех категориях. Об этом заявила сегодня в Москве исполняющая обязанности заместителя госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Роуз Готтемюллер.

"Мы призываем Россию продолжить работу по сокращению ядерного оружия во всех категориях, - сказала дипломат. - Необходимо на основе мер доверия сформировать новую стратегическую среду в отношениях". В частности, она подчеркнула важность мер прозрачности по посещению ядерных объектов РФ и США.

Россия и США в рамках СНВ с начала года тысячу раз уведомили друг друга о состоянии ядерных сил. Об этом сообщила сегодня в Москве и.о. замгоссекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Роуз Готтемюллер.

"Сегодня я услышала от коллег в Вашингтоне, что мы перешли границу в тысячу уведомлений за этот год /о состоянии ядерных сил РФ и США/, - сказала дипломат. - Идет диалог о состоянии наших ядерных сил".

Вместе с тем она предупредила, что Москва и Вашингтон будут сталкиваться с серьезными вызовами при сокращении нестратегического ядерного оружия. "Надо подумать, как осуществлять данное сокращение", - добавила Готтемюллер.

Фотографии можно найти на сайте http://www.tassphoto.com с темой «Роуз Геттемюллер приняла участие в конференции по нераспространению ядерных вооружений»

РИА Новости

Вашингтон намерен убедить Москву, что ЕвроПРО не направлена против РФ

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Вашингтон намерен убедить Москву в том, что ЕвроПРО имеет ограниченный характер и не угрожает безопасности России, заявила исполняющая обязанности первого замгоссекретаря США по вопросам контроля за вооружениями и международной безопасности Роуз Геттемюллер.

"Мы готовы продолжить сотрудничество, чтобы убедить Россию в ограниченном характере с технической стороны этого европейского адаптивного подхода", - сказала Геттемюллер в пятницу на Московской конференции по нераспространению.
"Это очень ограниченная система. Она ограничена по своей миссии. Она предназначена для решения ограниченного круга задач, связанных с Югом и Ближним Востоком", - подчеркнула она.
Геттемюллер отметила, что с интересом ознакомилась с опубликованным накануне интервью президента РФ Владимира Путина телеканалу Russia Today.
"Он там говорит, что мы должны продолжать нашу техническую работу в данном направлении (решения проблемы ПРО). Я с нетерпением жду возможности продолжить эту техническую работу и жду возможности обсудить эту работу с нашими российскими коллегами", - добавила она.
Планы развития американской глобальной системы противоракетной обороны и, в частности, ее европейского сектора (ЕвроПРО) стали камнем преткновения в отношениях России и США. Вашингтон отказывается предоставить юридические гарантии ненаправленности развертываемой системы против российских сил ядерного сдерживания, Москва же в ответ грозит развернуть в Калининградской области ракетные комплексы "Искандер" и предпринять ряд других военно-политических мер.
Программа развертывания ЕвроПРО предусматривает четыре этапа. Первый предполагает размещение компонентов противоракетной обороны, в том числе системы морского базирования Aegis и мобильной радарной станции обнаружения AN/TPY-2 в Турции. Вторая фаза включает размещение более мощных противоракет SM-3 (блок I) и более совершенных сенсоров. Третья фаза предполагает разработку и размещение усовершенствованных ракет-перехватчиков SM-3 (блок IIA).
Четвертую фазу создания системы планируется завершить к 2020 году, в ходе нее предполагается разместить существенно модифицированные ракеты SM-3 (блок IIB), довести корабельную группировку ПРО до 40 единиц с сотнями противоракет.
Третья и четвертая фаза вызывают у России наибольшие опасения.

США рассчитывают на сотрудничество с РФ в рамках договора по СНВ

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. США продумывают дальнейшие шаги по реализации договора по СНВ и рассчитывают на развитие сотрудничества с Россией в этом направлении, заявила исполняющая обязанности первого замгоссекретаря США по вопросам контроля за вооружениями и международной безопасности Роуз Геттемюллер.
"Мы активно продумываем новые шаги по договору... Нам хотелось бы развивать сотрудничество с Россией по этому направлению. Договор об СНВ, подписанный в Праге, это только первый шаг", - сказала Геттемюллер в пятницу на Московской конференции по нераспространению.
Договор СНВ-3 был подписан в Праге 8 апреля 2010 года и вступил в силу 5 февраля 2011 года. Срок его действия - десять лет. В соответствии с положениями договора, стороны предоставили друг другу данные о стратегических наступательных вооружениях, в том числе и географические координаты шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (с точностью до геофизической минуты). Стороны обмениваются данными о состоянии своих стратегических наступательных вооружениях 1 марта и 1 сентября каждого года.

Новый договор предусматривает значительное сокращение стратегического ядерного оружия

Она напомнила об уроке, извлеченном странами из Карибского кризиса, который чуть не привел к ядерному конфликту.

"Мы пережили эти ужасные дни, потому что наши лидеры сделали выбор в пользу разума и дипломатии... Нам удалось предотвратить взаимное ядерное уничтожение. Но мы должны помнить об этом", - отметила Геттемюллер.

Она также отметила, что нужно продумать, как сокращать количество нестратегических ядерных активов.

"Как сказал президент Обама, наша цель - прийти к миру без ядерного оружия. Но это труднодостижимая цель, которая потребует очень много времени. Откровенно скажу: безопасность мира зависит от этих усилий. Мы работаем на долгосрочную перспективу. Работу по нераспространению мы ведем с 60х годов", - отметила Геттемюллер.

Геттемюллер также сказала, что США заинтересованы в плотном сотрудничестве с Тегераном в решении проблемы иранского атома.

"Мы стремимся к тому, чтобы привести Иран к решению данной проблемы, чтобы мы не столкнулись с новой угрозой... Мы должны помнить о том, что существует возможность того, что угрозы окажутся не настолько серьезными, как мы опасаемся сегодня. И это то соображение, которому уделяется недостаточно внимания", - сказала она.

При этом она подчеркнула, что Иран не очень активно сотрудничает с МАГАТЭ. "Мы недавно получили жесткий отчет МАГАТЭ... И я поэтому испытываю определенные сомнения", - заявила Геттемюллер.

США, ряд других стран Запада и Израиль обвиняют Иран в разработке ядерного оружия под прикрытием программы мирного атома. Тегеран не отрицает, что обогащает уран до 20%, однако заявляет, что его атомная программа направлена исключительно на удовлетворение потребностей страны в электроэнергии.

"Шестерка" международных посредников, в которую входят представители России, Великобритании, Китая, США, Франции и Германии, с 2003 года совместно с МАГАТЭ добивается от Ирана приостановки работ по обогащению урана, которые могут представлять угрозу режиму ядерного нераспространения.

Переговоры с США по ПРО необходимо продолжать, заявляет МИД РФ

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Россия считает необходимым продолжать с США переговоры по вопросу развертывания ПРО в Европе, заявил заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Рябков.

"Мы должны работать с американской стороной, чтобы добиться чего-то значимого", - сказал он, выступая в пятницу на Московской конференции по нераспространению.

По словам высокопоставленного дипломата, Москва считает важным добиться договоренностей, которые снимут все озабоченности.

"Если это не удастся, у нас есть ряд мер, которые упоминал российский президент", - сказал Рябков.

Он сообщил, что "растущий американский потенциал не проходит незамеченным российской стороной". Замминистра отметил, что в Москве тщательно отслеживают то, что происходит в этой области.
Планы развития американской глобальной системы противоракетной обороны и, в частности, ее европейского сектора (ЕвроПРО) стали камнем преткновения в отношениях России и США. Вашингтон отказывается предоставить юридические гарантии ненаправленности развертываемой системы против российских сил ядерного сдерживания, Москва же в ответ грозит развернуть в Калининградской области ракетные комплексы "Искандер" и предпринять ряд других военно-политических мер.

Пауз в переговорах по ядерной программе Ирана быть не должно - МИД РФ

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Москва считает, что не должно быть перерывов в переговорном процессе по иранской ядерной программе, заявил замминистра иностранных дел РФ Сергей Рябков.
"На подходе новые встречи ("шестерки" посредников по Ирану). Процесс продолжается, нет ощущения, что что-то замерло", - сказал он, выступая в пятницу в Москве на Московской конференции по нераспространению.
"Нельзя терять темп, чтобы возникали паузы", - отметил Рябков.
По словам российского дипломата, иначе это может привести к тому, что участники переговоров начинают обсуждать вопросы, которые уже ранее выносились на повестку дня.
США, ряд других стран Запада и Израиль обвиняют Иран в разработке ядерного оружия под прикрытием программы мирного атома. Тегеран не отрицает, что обогащает уран до 20%, однако заявляет, что его атомная программа направлена исключительно на удовлетворение потребностей страны в электроэнергии.
"Шестерка" международных посредников, в которую входят представители России, Великобритании, Китая, США, Франции и Германии, с 2003 года совместно с МАГАТЭ добивается от Ирана приостановки работ по обогащению урана, которые могут представлять угрозу режиму ядерного нераспространения.
В настоящее время в отношении Ирана действуют четыре санкционные резолюции Совета Безопасности ООН. Помимо этого, различные резолюции, требующие от Ирана обеспечить полную прозрачность ядерной программы и доказать её исключительно мирную направленность, приняли в одностороннем порядке ряд стран и организаций.

МИД: РФ будет сокращать СНВ, если другие страны продолжат разоружение

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Россия подтверждает свою готовность продолжить сокращение стратегических наступательных вооружений, но при соблюдении остальными странами ряда условий, заявил в пятницу замглавы МИД РФ Сергей Рябков на Московской конференции по нераспространению.
"Россия готова и дальше продвигаться по пути проверяемых и необратимых сокращений ядерного оружия в соответствии с обязательствами статьи 6 договора о нераспространении. В то же время мы уверены, что такие меры должны осуществляться в русле поэтапного процесса, конечной целью которого должно стать всеобщее и полное разоружение", - отметил Рябков.
Он подчеркнул, что эта цель может быть достигнута только при комплексном подходе. "При сохранении стратегической стабильности, при соблюдении принципов равной безопасности для всех и обеспечении следующих непременных условий", - сказал замглавы МИД.
Среди этих условий дипломат назвал продолжение разоружения всеми государствами, обладающими ядерным потенциалом, предотвращение размещения оружия в космосе, обеспечение гарантии отсутствия возвратного ядерного потенциала и отказ от одностороннего развития ПРО.
О намерении добиваться дальнейшего сокращения всех видов вооружений представители администрации США говорили неоднократно. Договор СНВ-3 был подписан в Праге 8 апреля 2010 года и вступил в силу 5 февраля 2011 года. Срок его действия - десять лет. В соответствии с положениями договора, стороны предоставили

друг другу данные о стратегических наступательных вооружениях, в том числе и географические координаты шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (с точностью до геофизической минуты). Стороны обмениваются данными о состоянии своих стратегических наступательных вооружениях 1 марта и 1 сентября каждого года.

Эксперт назвал преемницу "Сатаны" ответом России на ЕвроПРО

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Россия создает новую жидкотопливную ракету в ответ на размещение американцами системы ПРО в Европе, заявил РИА Новости в пятницу консультант командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник в отставке Виктор Есин.

"Мы бы не стали создавать тяжелые ракеты, если бы американцы не размещали систему ПРО", - считает Есин. Он отметил, что решение о создании 100-тонной МБР было принято еще в 2010 году.

По его словам, решение России создать новую МБР не приведет к возвращению периода холодной войны. "Это скорее приведет к обострению и к определенной гонке вооружений", - добавил эксперт.

Ранее командующий РВСН Сергей Каракаев рассказал агентству, что Россия создаст новую тяжелую 100-тонную межконтинентальную баллистическую ракету к 2018 году. Она заменит известную по всему миру тяжелую баллистическую ракету Р-36М2 "Воевода", известную на Западе под именем "Сатана", с полезной нагрузкой до 10 тонн. До этого все последние российские разработки межконтинентальных баллистических ракет - как морского базирования ("Булава"), так и сухопутного ("Тополь-М", "Ярс") - являлись твердотопливными.

Решение о создании системы ПРО НАТО в Европе было принято в ноябре 2010 года на саммите организации в Лиссабоне. Для организации системы предполагается объединить уже имеющиеся национальные компоненты систем ПРО стран-участниц альянса, а также использовать развертываемые в Европе элементы ПРО США.

В интересах европейской системы ПРО НАТО предполагается задействовать радиолокационную станцию (РЛС) в Турции, базы ракет-перехватчиков SM-3 в Румынии и Польше и корабли ВМС США, базирующиеся в испанском порту Рота. Кроме того, в состав системы европейской ПРО НАТО будут включены мобильные РЛС системы раннего предупреждения о ракетном нападении, размещенные на кораблях ВМС Нидерландов.

В октябре 2011 года генсек НАТО заявил, что система ПРО альянса достигнет степени полной операционной готовности в 2018 году. По его словам, о начальной степени готовности ПРО НАТО будет объявлено на саммите альянса в мае 2012 года в Чикаго.

Россия и НАТО договорились сотрудничать по проекту ЕвроПРО на саммите в Лиссабоне в 2010 году, однако переговоры зашли в тупик из-за отказа США предоставить юридические гарантии ненаправленности развертываемой системы против российских сил сдерживания. Россия в ответ на развертывание ПРО в Европе намерена предпринять комплекс мер военно-технического и дипломатического характера. Российская сторона заявляла, что в случае, если договориться не удастся, то она не исключает возможности размещения комплексов "Искандер" в Калининградской области.

Полезная нагрузка новой МБР будет в 4 раза больше, чем у "Тополей"

МОСКВА, 7 сен - РИА Новости. Полезная нагрузка (боевая часть) создаваемой в России тяжелой жидкотопливной межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) составит 5 тонн, что в четыре раза больше, чем у твердотопливных "Ярсов" и "Тополей", сообщил РИА Новости консультант командующего Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) генерал-полковник в отставке Виктор Есин.

Полезная нагрузка - количество боевых блоков и комплект средств преодоления ПРО, пассивных и активных помех.

"Новая МБР будет выводить полезную нагрузку в четыре раза больше, чем у ракеты "Ярс". У 45-тонного "Ярса" она составляет 1,2 тонны. Создаваемая ракета сможет выводить на орбиту полезный вес массой 5 тонн", - сказал Есин.

По его словам, новая ракета будет обладать гораздо большей возможностью преодоления создаваемой американцами ПРО.
Эксперт отметил, что у 100-тонной ракеты есть и минусы.
"Основным из них является наличие "агрессивных" компонентов в ее составе", - сказал Есин.
"Головным предприятием по разработке 100-тонной МБР является ГРЦ имени Макеева (город Миасс), а реутовское "НПО машиностроения" - один из компаньонов", - сообщил собеседник агентства.
Ранее командующий РВСН Сергей Каракаев сообщил, что жидкотопливная ракета будет создана в России к 2018 году.
Новая ракета заменит известную по всему миру тяжелую баллистическую ракету Р-36М2 "Воевода", известную на Западе под именем "Сатана", с полезной нагрузкой до 10 тонн. До этого все последние российские разработки межконтинентальных баллистических ракет - как морского базирования ("Булава"), так и сухопутного ("Тополь-М", "Ярс") - являлись твердотопливными.
Ранее Каракаев отмечал, что не исключено развертывание американцами космического эшелона ударных средств противоракетной обороны - по его словам, в США ведутся активные исследования в этом направлении - а потенциала российских малогабаритных твердотопливных МБР для преодоления такой ПРО может не хватить.

РИА РБК

И.о. первого заместителя госсекретаря США по вопросам контроля за вооружениями посетит Москву с рабочим визитом.

В Москве с рабочим визитом будет находиться и.о. первого заместителя государственного секретаря США по вопросам контроля за вооружениями и **международной** безопасности Роуз Геттемюллер.

Р.Геттемюллер проведет переговоры с высокопоставленными российскими официальными лицами в МИД РФ по вопросам, представляющим взаимный интерес, и выступит с большой речью на Московской конференции по нераспространению-2012".

НВО

Отказаться от ядерного оружия призвала Индию и Пакистан Россия

В России хотели бы видеть Индию и Пакистан в рядах безъядерных государств, заявил замглавы МИД РФ **Сергей Рябков** в пятницу, выступая на конференции по нераспространению в Москве.

"Мы считаем, что присоединение Индии и Пакистана к Договору о нераспространении ядерного оружия и превращение их в безъядерные государства было бы наилучшим решением многих ситуаций", - заявил замглавы МИД РФ Сергей Рябков в пятницу, выступая на конференции по нераспространению в Москве.

ВЗГЛЯД /деловая газета/

Конференция по вопросам ядерной безопасности, денуклеаризации Корейского полуострова и ядерной программы Ирана начнется в пятницу в Москве.

Одной из важных тем, отметили организаторы форума, станет будущее Договора о нераспространении ядерного оружия, а также перспективы создания зон, свободных от оружия массового уничтожения.

Кроме того, дипломаты, политологи, эксперты из 40 стран мира обсудят вопросы безопасного развития атомной энергетики после событий на АЭС «Фукусима». Не менее важными станут дискуссии по перспективам многостороннего разоружения и российско-американского взаимодействия в области ПРО.

Как ранее заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров, Москва «привержена комплексной стратегии по сокращению и ограничению ядерных арсеналов при равной и неделимой безопасности». «Освобождение мира от угрозы, которую несет оружие массового уничтожения, справедливо считается одним из важнейших факторов обеспечения международной безопасности и стабильности, - отметил глава МИД РФ. - Россия последовательно вносит свой вклад в достижение этой благородной цели, предпринимая конкретные и ответственные шаги, направленные на ограничение и сокращение ядерных вооружений, соблюдение и укрепление важнейших международно-правовых режимов в области контроля над вооружением и нераспространением».

Лавров подчеркнул, что Россия «поддерживает конструктивный диалог со всеми политическими силами и общественными движениями, выступающими за дальнейшее снижение ядерной угрозы».

Московская конференция по нераспространению проходила также в 2010 году и была приурочена к 40-летию вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия, передает ИТАР-ТАСС.

Голос Америки

Нераспространение и его пути

Виктор Васильев
07.09.2012

Широкий круг вопросов, связанных с современными вызовами режиму ядерного нераспространения, будет обсужден на международной конференции в Москве. Двухдневный форум стартовал в пятницу 7 сентября и завершится в субботу.

По информации организаторов «Московской конференции по нераспространению 2012: нераспространение, разоружение, атомная энергетика» - Центра энергетики и безопасности, в мероприятии принимают участие около двухсот специалистов, вовлеченных в решение проблем безопасного развития атомной энергетики, ядерного нераспространения и контроля над вооружениями. Участники прибыли из 40 стран мира и ряда международных организаций.

Американскую делегацию на конференции возглавляет заместитель Государственного секретаря США Роуз Гетемюллер, в планы которой входят многочисленные встречи и переговоры с прибывшими в Москву специалистами.
Предполагается, что в центре внимания конференции в числе прочих будут вопросы безопасного развития атомной энергетики после событий на АЭС «Фукусима», недискриминационного доступа к ядерным технологиям и услугам в области ядерного топливного цикла, урегулирования кризиса вокруг иранской ядерной программы и денуклеаризации Корейского полуострова, перспективы многостороннего разоружения и российско-американского взаимодействия в области противоракетной обороны.

Заместитель главы МИД России Сергей Рябков назвал конференцию «долгожданным событием». В интервью агентству «Интерфакс» он, помимо прочего, коснулся и предстоящих в рамках саммита АТЭС во Владивостоке переговоров главы внешнеполитического ведомства России Сергея Лаврова с госсекретарем Хиллари Клинтон.

«Встречи министра иностранных дел и госсекретаря – это всегда крупные события в двусторонних отношениях. В зависимости от актуальности вопросов международной и двусторонней повестки дня на каждый момент времени разговор выстраивается по-разному. Вопросы контроля над вооружениями и нераспространения всегда присутствуют на подобного рода встречах», – сказал Рябков.

Сергей Рябков не взялся предугадывать, насколько детально Лавров и Клинтон будут рассматривать эту тему: «Иногда бывает, что и времени может не хватить на подробный обмен мнениями по этим вопросам. Иногда бывает, что, наоборот, то, что нам, исполнителям, тем, кто готовит материалы к встречам, кажется не самым главным, попадает на передний план».

Московская конференция предваряет серию крупных международных встреч по вопросам атомной энергетики, нераспространения и разоружения, включая заседание Совета управляющих МАГАТЭ (10-14 сентября), ежегодную конференцию Всемирной

ядерной ассоциации (12-14 сентября), Генеральную конференции МАГАТЭ (17-21 сентября) и 67 сессию Генеральной Ассамблеи ООН (открывается 18 сентября).

Москва выдвигает условия в отношении дальнейшего контроля над ядерными вооружениями

Среда, 12 Сентябрь 2012

Судя по выступлениям российских участников Московской конференции по ядерному нераспространению 2012, Москва устанавливает несколько жесткие, хотя и понятные условия для дальнейшего прогресса в сфере ядерного сдерживания.
Благодаря центру Карнеги в Нью-Йорке, мне удалось посетить и выступить на Конференции, которая проходила с 6 по 8 сентября. Организатором являлся Центр энергетики и безопасности (ЦЭБ), чей энергичный директор, Антон Хлопков, обладает потрясающими связями в области ядерного нераспространения. Конференцию посетили порядка двухсот человек, среди которых было много видных российских и западных экспертов. Участниками Конференции также были представители Ирана и Северной Кореи, которых так редко можно встретить на официальных мероприятиях в Вашингтоне.
Иранцы представили любопытные и довольно гибкие перспективы их диалога с Западом по поводу иранской ядерной программы, в то время как представитель Северной Кореи дал ясно понять: страна планирует сохранить свой ядерный потенциал на неопределенный срок, чтобы чувствовать себя в безопасности от американской «агрессии».
Сергей Рябков, замглава МИД России, в своем выступлении подчеркнул важность укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и настоял, чтобы три основных принципа договора – ядерное нераспространение, разоружение и использование ядерной энергии в мирных целях – по-прежнему обеспечивали баланс интересов и средств для решения всех текущих вопросов нераспространения.
В области нераспространения Рябков видит важность расширения и углубления ареала зон, свободных от ядерного оружия, в ожидании вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Проблема заключается в том, что ДВЗЯИ стал политизированным вопросом в Вашингтоне, всвязи с чем Сенат не будет ратифицировать договор в ближайшем будущем. В тоже время, США, Великобритания и Франция имеют серьезные возражения против некоторых из заявленных положений договора относительно Безъядерных зон, как, например, в Центральной Азии.
Еще одним приоритетом России, поддерживаемым администрацией Обамы и другими государствами, является проведение конференции в этом году по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки (ЗСОМУ), что было запланировано еще в 2010 году. Россия стоит на том, что все ключевые страны ближневосточного региона должны принять в ней участие. Здесь проблему представляет Арабская весна, которая заставляет откладывать

проведение Конференции. Рябков в своем выступлении дал ясно понять, что ее перенесение на 2013 год является крайне нежелательным. Однако, это помогло бы деполитизировать вопрос среди американских избирателей.
В случае с Ираном, Рябков подтвердил, что он не видит признаков создания ядерного оружия. Он так же подчеркнул, что иранцы предприняли попытки сотрудничества с МАГАТЭ. В самом деле, агентство неоднократно сообщало, что в Иране ни разу не было зафиксировано использование обогащенного урана в военных целях. Но даже Рябков был вынужден подтвердить, что МАГАТЭ разделяет беспокойство Запада по поводу того, что Иран производит и хранит не заявленные ядерные материалы, которые могли бы помочь построить ядерное оружие. Он также признал озабоченность по поводу предполагаемых иранских исследований по изготовлению ядерных боеголовок.
Рябков заключил, что Иран должен предпринять шаги по устранению беспокойства других стран об иранской ядерной программе. Он также сообщил, что Россия пытается послужить посредником между Ираном и Западом, под мониторингом министра иностранных дел Сергея Лаврова. В представлении Москвы конечным результатом этого процесса будет признание Западом права Ирана на развитие мирной ядерной программы, включая обогащение урана, в результате чего Запад снимет все наложенные ранее санкции. В ответ Иран должен будет позволить полный и всеобъемлющий контроль международного сообщества над его ядерной программой, а также присоединится к Дополнительному протоколу МАГАТЭ.
План Лаврова предусматривает пошаговый подход поочередных ответных действий, который поможет восстановить доверие между сторонами. Проблема в том, что ни один из шагов, предпринятых в последние годы, не стал достаточным импульсом для запуска данного процесса. Кроме того, западные правительства отказываются признавать право Ирана на обогащение урана, которое запрещено резолюциями Совета Безопасности ООН, поддержанными и Россией в том числе.
Рябков подтвердил поддержку Москвой мирного развития ядерной энергетики с повышенной безопасностью и механизмов безопасности, в том числе направленных на предотвращение неправомерного использования ядерных технологий в военных целях. Например, он призвал все страны присоединиться к Дополнительному протоколу МАГАТЭ, который дает агентству расширение прав и возможностей по обнаружению и анализу не заявленных ядерных программ. Эти взгляды практически полностью совпадают с американской позицией.
Рябков заявил, что Россия готова сокращать свои ядерные силы и дальше, и со временем перейти к “полному и всеобщем разоружению”, в соответствии со статьей VI Договора о нераспространении, но постепенно и при соблюдении строгих условий, которые “гарантируют равную и неделимую безопасность для всех”.
Первое условие интересно тем, что оно подтверждает озабоченность России, все чаще разделяемую США, что Китай должен более активно участвовать в процессе контроля за ядерными вооружениями, в связи с расширением его ядерного потенциала. Китай также присоединился к России в критике американских программ противоракетной обороны.
Китайские чиновники сообщили, что они могут присоединиться к обсуждениям по

контролю за ядерным оружием, после того как запасы оружия США и России снизятся до китайских. Однако, они отказались открыто пообещать это. До сих пор представители КНР преуменьшали значение сокращений, сделанных Россией и США в ходе программы New-START. Как показывает прошлое, подписание нового Договора о СНВ в 2010 году, который требует дальнейшего сокращения запасов ядерных боеголовок и средств их доставки Россией и США, так и не убедила Пекин присоединиться к переговорам по международному контролю над стратегическими вооружениями. Тем не менее, Китай мог бы способствовать реализации более глубоких сокращений ядерных сил в России и США, если бы Пекин более четко поддерживал процесс сокращения.
Обеспечение более реалистичных обязательств со стороны китайского правительства, а не пустое заявление о намерениях сдерживать ядерные силы КНР, крайне важно для Москвы и Вашингтона, так как позволит убедиться: их дальнейшее разоружение не подвергнет риску глобальную и региональную стабильность. России и США будет сложно сокращать стратегические ядерные вооружения в дальнейшем при отсутствии четких намерений Китая сдерживать свой ядерный потенциал. В обзоре ядерной политики 2010 года, составленным администрацией Обамы, заметна явная озабоченность США и союзных стран по поводу "количественной и качественной модернизации ядерного потенциала" КНР. Следующей администрации США придется всерьез заняться этой многогранной серьезной проблемой.

Ричард Вайц – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Гудзоновском институте (Hudson Institute) в Вашингтоне

Россия верит в будущее мирного атома

Вторник, 18 Сентябрь 2012

На московской конференции по ядерному нераспространению, организованной Центром Энергетики и Безопасности, заместитель гендиректора госкорпорации «Росатом» Николай Спасский просветил нас, участников, о планах России в области мирной ядерной энергетики.

Возможно, Спасский прозвучал несколько беспечно, говоря о возможных негативных последствиях прошлогодней аварии в Японии для будущего атомной энергетики, в развитии которой заинтересованы российский и американский ядерный сектор. Он привел весомые аргументы в поддержку оптимальности ядерной энергетики для многих стран в будущем, а также меры, которые должны быть приняты международным сообществом, чтобы положение вещей не изменилось.

По словам Спасского, Россия и впредь будет использовать ядерную энергию, несмотря на катастрофу Фукусимской АЭС, которая заставила правительство Японии объявить на прошлой неделе о намерении полностью прекратить использование ядерной энергии к 2030 году. Россия сама однажды уже пережила кризис, вызванный ядерной аварией 1986 года на Чернобыльской АЭС.

Спасский призвал собравшихся учесть уроки катастрофы в Японии. Он заявил, что больше всего впечатлен тем, насколько эффективно японской атомной промышленности и технологиям удалось избежать крупной катастрофы. А именно тем, что не произошло ни крупномасштабной утечки радиации, ни взрывов, которые выбросили бы ядерные материалы в атмосферу. Кроме того, реакторы были закрыты сразу же после землетрясения. По его оценке, ни один человек не умер от радиации, просочившейся с Фукусимской АЭС.

Он также подчеркнул, что Россия по-прежнему ожидает роста международного рынка гражданских ядерных услуг. Он отметил, что ядерная энергетика сможет помочь странам в борьбе с изменением климата и развивать «зеленую экономику». АЭС также помогут ослабить зависимость рынков от колебаний импорта газа и нефти из таких нестабильных регионов, как Персидский залив.

Спасский перечислил несколько конкурентных преимуществ России на международном рынке ядерной энергии. Например, он подчеркнул, что у России есть большой опыт в этой сфере, и что Россия продает только тщательно проверенные технологии.

Кроме того, Россия не использует так называемый метод строительства реакторов заграницей «под ключ» – когда после окончания строительства строившая страна просто передает готовый объект заказчику. Россия берет на себя ответственность за успешную его эксплуатацию, за соблюдение техники и правил безопасности. Росатом особенно настаивает на важности обучения местного персонала правилам безопасности и защите ядерных реакторов.

В пакете услуг по строительству реактора, который предоставляет Россия, также гарантируются поставки топлива для каждого построенного реактора. Например, для Ирана Росатом производит топливо в России, поставляет его на АЭС в Бушере, а затем забирает топливо после его отработки для долгосрочного хранения в России.

Единственное, что необходимо Росатому – это межправительственное рамочное соглашение между Россией и иностранным государством о продолжении ядерного сотрудничества с этой страной. Соглашение определяет такие моменты, как гражданская ответственность и защита интеллектуальной собственности. С этими гарантиями Росатом может договориться о конкретных сделках с государственными и частными корпорациями иностранного государства.

По мнению Николая Спасского, международное сообщество может предпринять дополнительные шаги по расширению перспектив глобальной ядерной энергетики. Например, можно было бы создать более эффективное антикризисное управление, а также механизмы международной координации. Необходимо также предоставлять расширенную техническую помощь странам, запускающим новые ядерные программы.

Хотя Россия не подвергает сомнению устоявшийся принцип – каждая страна несет ответственность за надежность и безопасность своих ядерных программ – Спасский

считает, что международному сообществу следует убеждаться в безопасности всех существующих реакторов путем проведения нагрузочных испытаний, и принятия соответствующих мер. В частности важно, чтобы национальные правила и требования были не слабее, чем минимальные требования Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Заглядывая вперед, российский эксперт признал, что он хотел бы видеть ускоренный переход к реакторам поколения III+, которые имеют повышенную безопасность процессов по сравнению с более ранними моделями, представленными в Чернобыле и Японии. Он призвал все страны присоединиться к Дополнительному протоколу МАГАТЭ, который дает агентству право усиленного мониторинга и инспекционные полномочия для выявления незаконной ядерной деятельности и незаявленных объектов. Без этого, агентство может контролировать только те ядерные объекты, которые принимающая страна официально заявила МАГАТЭ.

Спасский также отметил важность недавно принятых российско-американских соглашений о гражданском ядерном сотрудничестве (так называемое соглашение 123). Действительно, соглашение может иметь даже большее влияние на двусторонние отношения в сфере безопасности, чем новый Договор об СНВ, который был ратифицирован примерно в то же время.

В то время как новый договор СНВ оглядывается в прошлое, и скорее ориентирован на советско-американское наследие холодной войны, Соглашение 123 смотрит вперед и создает основу для будущего двустороннего гражданского ядерного сотрудничества. Новые возможности для бизнеса расширят на данный момент узкий круг клиентов в обеих странах, что поддержит более глубокое взаимодействие между Россией и США.

Ричард Вайц – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Гудзоновском институте (Hudson Institute) в Вашингтоне

Россия и запрет ядерных испытаний

Четверг, 20 Сентябрь 2012

На Московской конференции по ядерному нераспространению 2012 российские представители решительно поддержали всеобщую ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), и упрекнули Сенат США в провале попытки сделать то же самое. Но позиция России по ДВЗЯИ представляется более сложной, чем это предполагалось ранее.

Россия подписала ДВЗЯИ 24 сентября 1996 года и ратифицировала договор 30 июня 2000 года.

Российские чиновники одобрили ДВЗЯИ в качестве важного элемента глобальной архитектуры нераспространения ядерного оружия, и призвали США и другие, не участвовавшие страны, ратифицировать договор как можно скорее. В свою очередь,

российская дипломатия только выиграла среди неядерных и неприсоединившихся стран от устойчивой позиции Москвы против испытаний ядерного оружия.

Россия и Подготовительная комиссия Организации ДВЗЯИ впоследствии подписала объектное соглашение, которое вступило в силу 27 декабря 2006 года, относительно участия России в Международной системе мониторинга (МСМ) ядерных испытаний на стадии создания. В результате, Россия станет второй страной по количеству располагаемых на ее территории устройств системы мониторинга (а именно 32). Более чем три четверти из них сертифицированы как действующие. Лишь США располагает большим количеством таких обнаруживающих объектов (39).

В последние годы, российские дипломаты и политики упрекали США и, хотя и косвенно, Китай, в неудавшихся попытках ратифицировать ДВЗЯИ. Министр иностранных дел Сергей Лавров отметил, что широкий международный консенсус по договору уже достигнут, и что страны, не подписавшие его, не должны игнорировать этот факт.

На конференции против тестирования ядерного оружия, прошедшей в начале этого месяца в Астане, российский спикер от Совета Федерации Валентина Матвиенко отметила, что Россия обеспокоена отсутствием прогресса в ратификации ДВЗЯИ. Она также отметила, что ратификация договора Соединенными Штатами значительно ускорит процесс вступления документа в силу.

Российское правительство присоединилось к всеобщему мораторию на испытания ядерного оружия в октябре 1992 года. С тех пор российские чиновники неоднократно подтверждали свое намерение продолжать односторонний мораторий на дальнейшие ядерные испытания до вступления ДВЗЯИ в силу при условии, что другие ядерные державы также будут воздерживаться от ядерных испытаний.

На сентябрьской конференции 2011 по ДВЗЯО в Нью-Йорке, заместитель министра иностранных дел Сергей Рябков подчеркнул необходимость для всех стран придерживаться духа и буквы договора до его вступления в силу, и напомнил о важности соблюдения моратория на ядерные испытания в течение этого периода. Россия намерена и в дальнейшем выполнять это обязательство, если и другие ядерные государства будут делать то же самое.

Российские чиновники также заявили о своей приверженности добиваться дополнительных мер по укреплению доверия, чтобы убедить страны соблюдать основные положения ДВЗЯИ о запрете ядерных испытаний. В 2001 году маршал Игорь Сергеев, в последствии – советник президента России по ядерным вопросам, заявил, что Россия может согласиться на «обмен геологическими данными и результатами некоторых экспериментов, установку дополнительных датчиков и на другие меры», которые выходят за рамки договора.

Как и США, Россия продолжает проводить «докритические» взрывы на Центральном военном полигоне в районе большого арктического острова Новая Земля. Эти эксперименты не приводят к устойчивой ядерной цепной реакции и, следовательно, не производят ядерных взрывов. В дополнение к проведению экспериментов на Новой Земле, Министерство обороны использует передовые вычислительные методы для моделирования ядерных взрывов. (Российские военные перестали использовать бывший советский полигон Семипалатинск в Казахстане после распада Советского Союза в 1991 году).

На публике, российские чиновники выражают уверенность в качестве ядерных предприятий страны по производству высококачественных боеголовок. Однако некоторые русские эксперты сомневаются в возможности проверять надежность боеголовок без полномасштабных ядерных взрывов.

В конце марта 2006 года президент России Владимир Путин провел специальное совещание с десятком высших должностных лиц, отвечающих за инфраструктуру ядерного оружия России, чтобы оценить: насколько возможно поддержание авторитета Москвы и ее потенциала ядерного сдерживания, без испытаний ядерного оружия, так как Россия переводит свою ядерную промышленность в мирное русло ядерной энергетики. Впервые в советской и российской истории, Москва начала разделять гражданский и военный компонент своего ядерного комплекса.

Российские проектировщики ядерного оружия также сталкиваются с проблемами своих предшественников, связанные с недостаточным финансированием, более привлекательными возможностями работы в коммерческих отраслях высокотехнологичной промышленности, и другими проблемами. Из-за подобных трудностей лучшие ученые и инженеры России не стремятся к работе в атомной отрасли. По словам одного российского аналитика, после проведения последних ядерных испытаний в октябре 1992 года, Россия потеряла более половины своих проектировщиков ядерного оружия.

Федеральное агентство по атомной энергетике России стремилось компенсировать эти проблемы, продолжая использовать конструкции и материалы для боеголовок, сертифицированные до моратория на испытания. С середины 1980-х годов, Россия сократила свои запасы нетронутых боезарядов примерно с 35000 до порядка 15000 (из которых около 9300 находятся в резерве или в ожидании утилизации).

Тем не менее, короткая жизнь российских боеголовок (по оценкам, 10-20 лет, что значительно меньше, чем в США) означает, что Россия производит сотни боеголовок в год. Списанные боеголовки поставляются под охраной на одно из двух оставшихся больших предприятий по их сбору и демонтажу. Техники разбирают их и производят замену компонентов с ограниченным сроком службы (например, плутониевых сердечников). Отходы расщепляющихся материалов отправляются на переработку или уничтожение.

Российские эксперты указывают, что частая разборка и процесс переработки позволяет обнаруживать проблемы в боеголовках без тестирования их американским методом, который предполагает программа управления ядерным арсеналом США. Такое тестирование им, в любом случае, не по карману, да и доверия к нему у российских экспертов, вероятно, нет.

Однако, как США и другие страны, правительство России подтвердило свою готовность возобновить ядерные испытания, если это будут необходимо для обеспечения российского ядерного сдерживания. Когда тогдашний министр обороны РФ Сергей Иванов посетил предприятие по сбору и демонтажу боеголовок в июле 2006 года, он подчеркнул, что Россия сохранила его в состоянии «постоянной готовности для ядерных испытаний».

Ричард Вайц – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Гудзоновском институте (Hudson Institute) в Вашингтоне

Associated press

Russian diplomat says Iran nuclear talks not at standstill

MOSCOW (AP) _ September 7, 2012 - A senior Russian diplomat says new meetings are expected in the international effort to settle the Iranian nuclear standoff, but that Iran needs to do more to answer international concerns.

Deputy Foreign Minister Sergei Ryabkov says that "it's very important not to lose the momentum" in the negotiations between the six international mediators and Iran.
The latest round of the Iranian nuclear talks in Moscow in June ended without any visible results and the participants agreed to hold a series of lower level meetings.
Despite the disappointment of the Moscow talks, Ryabkov said Friday that there is no feeling of a standstill.

IRNA

Moscow, Sept 9, IRNA — Deputy Russian Foreign Minister Sergey A. Ryabkov says Iran's nuclear program is not military in nature.

Speaking to IRNA on the sidelines of the 2012 Non Proliferation Conference in Moscow, Ryabkov said, "My concept of Iran's nuclear program is positive under ongoing conditions."

He noted that the Iran-G+1 nuclear talks follow their natural course, adding that there is no reason to worry about continuation of the talks.

"We try to prevent Iran-G5+1 talks not to be interrupted because under such a condition, the negotiating parties would have to begin from zero."

Speaking at a nonproliferation conference in Moscow on Friday, Ryabkov said that no pauses should be allowed to slow the pace of talks between Iran and the P5+1 comprising the US, Britain, France, Germany, Russia, and China.

The Russian diplomat stated that negotiations between the two sides have not come to a standstill as contacts are under way, adding that meetings and talks will resume soon.

The deputies to Secretary of Iran's Supreme National Security Council (SNSC) Saeed Jalili and EU foreign policy chief, Catherine Ashton, held day-long talks in the Turkish city of Istanbul on July 24.

The meeting between Ali Baqeri and Helga Schmid was held three weeks after Iran and the P5+1 held expert-level talks on July 3 in Istanbul with the participation of representatives and experts from both sides.

The two sides had already agreed to hold the expert-level talks during their negotiations in the Russian capital, Moscow, in June.

At the heart of the Moscow negotiations was Iran's nuclear energy program, with Tehran reiterating its inalienable right to enrich uranium for peaceful purposes.

The United States, Israel and some of their allies have repeatedly accused Iran of pursuing non-civilian objectives in its nuclear energy program.

Iran rejects the allegations, arguing that as a signatory to the nuclear Non-Proliferation Treaty and a member of the International Atomic Energy Agency, it is entitled to develop and acquire nuclear technology for peaceful purposes.

Hispantv

Durante estos días en Moscú, Rusia, se celebra la Conferencia de la No Proliferación Nuclear 2012.
En el evento fueron discutidos los actuales problemas de la seguridad nuclear mundial.
Nuestra corresponsal, Ksenia Pinto, nos informa sobre este tema.

http://www.hispantv.com/detail/2012/09/08/194250/conferencia-de-no-proliferacin-nuclear-en-mosc

Prensa Latina

USA Promises Working with Russia to Implement START-3

Moscow, Sep 7 (Prensa Latina) The United States will develop the steps to meet the Strategic Arms Reduction Treaty (START-3), U.S. Acting Deputy Secretary of State Getmuller Rouz promised today.

Speaking at 2012 Moscow Nonproliferation Conference, Rouz, who is the head for international security and arms, announced Washington's intention to continue cooperation with Russia regarding this agreement.

The treaty signed on April 8, 2010, in Prague, is just a first step, the U.S. official said.

The agreement stipulates that Russia and the USA should exchange data on the geographical location of its strategic forces, including the exact displacement of ICBMs niche.

In addition, each March 1 and September 1, USA and Russia should exchange update information on their strategic forces.

One of the confrontation points between these countries concerns the interpretation of an explanation reflected in the introduction of the START-3, regarding the necessary link between strategic offensive and defensive weapons.

Moscow demands that, to comply with that provision of the agreement, the elements of the overall missile system developed by the United States should be considered as defensive strategic weapons.

The Kremlin recalls that the provisions for leaving START-3 include the perception that the other signatory party threatens nuclear parity and balance of the deterrent capability of both states.

Press TV

http://www.presstv.ir/detail/2012/09/09/260705/moscow-hosts-nonproliferation-confab/

Russia has held the 2012 Moscow Nonproliferation Conference, hosting researchers, scientists, diplomats and experts in the Russian capital, Press TV reports.

More than 200 participants exchanged the latest information on global security of nuclear energy, the establishment of a zone, free of nuclear and all other weapons of mass destruction in the Middle East as well as Iran's nuclear energy program.

"Iran is ready to answer any question with regards to its nuclear activities which are civil and peaceful and does not let anybody, any country, any state, [or] any organization to limit its natural and legal rights," said Mostafa Dolatyar the director-general of the Department for Political and International Studies of the Iranian Foreign Ministry.

Israel has recently carried out a number of military drills as Tel Aviv steps up its war rhetoric against Iran under the pretext that Iran's nuclear energy program includes a military component.

Iran has refuted the allegations maintaining that as a signatory to the nuclear Non-Proliferation Treaty and a committed member of the International Atomic Energy Agency (IAEA), it has every right to develop and acquire the nuclear technology for peaceful purposes.

"In the West, the absence of public reference to legal constraints on western policy options is for me, anyway, depressing and worrying," said Peter Jenkins of the Geneva Center for Security Policy (GCSP).

"Western politicians talk as though they are free to mount a military attack on Iran at any time and they rarely reprimand Israel's leaders for multiplying their threats to take out Iran's nuclear facilities by force," he added.

The Israeli regime is widely known to possess hundreds of atomic warheads, something that it has never denied under its so-called nuclear ambiguity policy.

Enjoying Washington's support, however, Tel Aviv has steadily refused to either declare the nuclear arsenal or join the nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT).

Organized by the Center for Energy and Security studies in Moscow, the conference is held in the run-up to several important international meetings, including the IAEA Board of Governors meeting, which will take place on September the 10th in Vienna.

RT

Moscow to react to US Asian missile defense

Russia has expressed its concern over American plans to deploy a new missile defense shield in Southeast Asia. *"The continuing growth of the US potential in what we call the Far East – the Asia-Pacific region – does not go unnoticed in Russia,"* Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov said at a nonproliferation conference in Moscow. *"We are closely following what is happening between the USA and its allies in Asia."*
According to the diplomat, *"important events"* are unfolding in the region and *"a lot has already been achieved,"* cites Interfax.
Moscow's concerns about the situation arise from the technology involved, as well as the *"geography and the US capability to deploy these assets in different locations."*

It is important that Washington eases these concerns. Otherwise, "there is a set of measures worked out by the Russian leadership," Ryabkov noted.

Earlier, it was reported that Washington was planning to expand its missile defense in Asia in response to threats from North Korea and to counter China's growing missile capabilities.

The buildup could include an early-warning radar system on a southern Japanese island and possibly another one in Southeast Asia. These two new radars would supplement the one already installed in Aomori Prefecture in northern Japan in 2006.

The US global missile defense shield – in particular its European sector – has long been a stumbling block in the relations between Moscow and Washington. Russia worries that the planned system may pose a threat to its national security. The US has so far refused to provide legally-binding guarantees that the European missile defense assets would not be targeted against Russia.
"The US missile defense system – is surely one of the key issues on today's agenda because it involves Russia's vital interests," President Vladimir Putin said in an interview with RT.
The differences on the issue can only be solved if both sides accept as an axiom that they are *"reliable partners and allies for each other."* That would mean the parties *"jointly do missile threat assessments and control this defense system together,"* Putin said.

The president stressed that Russia had done what it could and offered to work on the system together. However, the American partners are "refusing to go along." Moscow is set to continue the dialogue on the matter, he stressed.

"But naturally, as our American partners proceed with developing their own missile defense we shall have to think of how we can defend ourselves and preserve the strategic balance," Putin added.

In November last year, then-President Dmitry Medvedev said Russia could place offensive weaponry on its borders with Europe as one possible measure against the deployment of American elements of missile defense shield in the region.

Global Insights: Russia Sets Bar High on Arms Control

By Richard Weitz, on 11 Sep 2012, Column

At last week's Moscow Nonproliferation Conference, organized by the Center for Energy and Security Studies, some 200 people, including a number of prominent Russian and Western experts, gathered to discuss a wide range of nonproliferation issues. Given the statements of the Russian speakers at the conference, Moscow is laying down some tough, albeit often understandable, conditions for making further progress in nuclear arms control.

Sergey Ryabkov, the Russian deputy foreign minister who keynoted the conference, stressed the importance of strengthening the Nuclear Nonproliferation Treaty (NPT). Ryabkov insisted that what he called the treaty's three core principles -- nuclear nonproliferation, disarmament and the peaceful use of nuclear energy -- still represented the optimal balance of interests and means for resolving all current nonproliferation issues.

In the area of nonproliferation, Ryabkov saw value in expanding the geographic scope of regional nuclear weapons-free zones pending the entry into force of the Comprehensive Test Ban Treaty (CTBT). The problem is that the CTBT has become a politicized issue in Washington, meaning that Senate ratification will not soon occur. Meanwhile, the United States, along with Britain and France, has serious objections to some of the already declared nuclear weapons-free zones, such as the one in Central Asia.

Another Russian priority, this one shared by the Obama administration and other governments, is the convening of a Middle East Conference on weapons of mass destruction, as agreed to at the 2010 NPT Review Conference. Ryabkov said that Moscow considered postponing the conference, which was to take place in 2012, until next year "undesirable," though doing so would help depoliticize the issue among the U.S. electorate. Such a postponement might also be unavoidable, given the disruptions caused by the Arab Spring.

With regard to Iran's nuclear program, Ryabkov reaffirmed that he saw no "signs" that Tehran was seeking nuclear weapons. He insisted that Iranians had made an effort to cooperate with the International Atomic Energy Agency (IAEA) and pointed to the agency's repeated findings detecting no diversion for military use of Iran's growing declared stockpile of enriched uranium.

But even Ryabkov was forced to acknowledge that the IAEA shared Western concerns that Iran was manufacturing and storing undeclared nuclear material, which could be used to construct nuclear weapons while remaining undetected by IAEA inspectors. He similarly acknowledged Western and IAEA concerns over alleged Iranian efforts to study the technical aspects involved in manufacturing a nuclear warhead.

Ryabkov concluded that Iran needed to take steps to address concerns that its program is not exclusively peaceful and said that Russia was trying to use its good offices to help Iran and the West reach a settlement. The end goal Moscow has in mind would be for the international community to recognize Iran's right to all peaceful nuclear activities, including

uranium enrichment, and remove all sanctions targeting Tehran. In return, Iran would allow for the full and complete international supervision of its program, including by adopting the IAEA Additional Protocol, which gives the agency enhanced rights and capabilities to detect and analyze undeclared nuclear activities.

To reach this end state, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov articulated a plan last year envisaging a step-by-step approach of reciprocal actions to rebuild confidence among the parties. Unfortunately, Iran and its interlocutors have already reached a number of initial confidence-building agreements in recent years, none of which has yielded sufficient momentum to secure additional progress. In addition, Western governments have refused to acknowledge Iran's right to enrich uranium until Iran suspends its current enrichment activities, which are prohibited by U.N. Security Council resolutions adopted by Russia itself, and rebuilds trust in its peaceful intentions.

With regard to broader nonproliferation objectives, Ryabkov reaffirmed Russia's support for the peaceful development of nuclear energy with enhanced safety and security mechanisms, including those designed to prevent the misuse of nuclear technologies for military purposes. For example, he called on all countries to adopt the IAEA Additional Protocol. These views essentially coincide with the American position.

Ryabkov said Russia was prepared to reduce its nuclear forces further, and eventually move to "complete and universal disarmament," as required by Article VI of the NPT, but only in a gradual manner and under strict conditions that would "guarantee equal and indivisible security for all." These conditions included:

- The participation in the disarmament process of all countries possessing nuclear capabilities.
- The prevention of the militarization of outer space.
- Guarantees to prevent countries from rapidly reconstituting their nuclear weapons capabilities.
- Constraints on conventional weapons having strategic effects similar to nuclear weapons, such as ICBMs carrying conventional warheads.
- The prevention of unilateral or one-sided missile defense systems that undermine strategic deterrence and international balances.
- The settlement of regional conflicts that threaten to escalate into larger conflicts.
- The entry into force of the CTBT.

The first condition reaffirms Russia's concern, increasingly shared by the United States, that China must become more engaged in nuclear arms control processes given its expanding nuclear potential. Thus far, Chinese officials have suggested that they might join nuclear arms control talks after Russia and the U.S. reduce their nuclear arsenals to Beijing's levels, but they have declined to make an explicit pledge to do so. Until now, Chinese representatives have downplayed the significance of the reductions Russia and the United States have accepted in New START. As in past cases of bilateral arms control treaties, the signing of New START in 2010 failed to entice Beijing into joining international strategic arms control negotiations. Yet, China could contribute to realizing deeper cuts in Russian and U.S. nuclear forces if Beijing more directly supported the reductions process.

The question of multilateralizing the arms control process presents a challenge, but also an opportunity, for the next U.S. administration. Securing a more binding commitment from the Chinese government, rather than simple declarations of intent, to restrain the Chinese

nuclear arsenal is essential for reassuring Washington and Moscow that further reducing their nuclear arsenals will not risk undermining global and regional stability. The conditions laid out by Ryabkov already make further progress in arms control a challenge. That challenge will become even more complicated without some indication that China will constrain its own nuclear potential.

Richard Weitz is a senior fellow at the Hudson Institute and a World Politics Review senior editor. His weekly WPR column, Global Insights, appears every Tuesday.

Al-Monitor

Iran taps diplomat to field US non-official contacts

Posted on October 31, 2012 by Laura Rozen

In a sign of Iranian interest in streamlining back channel contacts and reducing mixed messages ahead of anticipated, resumed nuclear negotiations next month, Iran was said to appoint a central point of contact for approaches from outside-government Americans, two Iran nuclear experts told Al-Monitor this week.

Mostafa Dolatyar, a career Iranian diplomat who heads the Iranian foreign ministry think tank, the Institute for Political and International Studies (IPIS), was tapped by Iran's leadership to coordinate contacts with American outside-government policy experts, including those with former senior US officials involved unofficially in relaying ideas for shaping a possible nuclear compromise, the analysts told Al-Monitor in interviews this week. The IPIS channel is for coordinating non-official US contacts, which in the absence of formal diplomatic ties, have formed an important, if not unproblematic, part of Iran's diplomatic scouting and Washington's and Tehran's imperfect efforts to understand and influence each others' policy positions.

The appointment is the result of a desire "on the Iranian side for a more structured approach to dealing with America," Mark Fitzpatrick, an Iran nuclear expert at the Institute for International and Strategic Studies (IISS) in London, told Al-Monitor in an interview Monday, adding that he now doubts that there are agreed plans for direct US-Iran talks after the elections.

"I was told … that Iran had appointed one person to be the channel for all approaches from the Americans," specifically for former officials and non-governmental experts, Fitzpatrick continued. "And Iran wants to structure that so that Iran is speaking from one voice."

For contacts with the U.S., Dolatyar will report to Saeed Jalili, the secretary general of Iran's national security council who serves as Iran's chief nuclear negotiator, Fitzpatrick said.

A second, European Iran nuclear expert described Dolatyar as having been tapped by the Iranian leadership to be the liaison for NGOs.

A spokesman for Iran's mission to the United Nations in New York told Al-Monitor Tuesday that the mission was unaware of the appointment, and noted that Iran's foreign ministry has a department responsible for US and European affairs. A senior official at the mission who

currently handles contacts with US NGOs and think tanks is, however, expected to move to work at IPIS shortly.

Al-Monitor was unable to reach Dolatyar by phone at his Tehran think tank Tuesday.

The semi-official arrangement, if accurate, would appear to revive one that existed in the past. The Iranian think tank, IPIS, previously served a similar role as a liaison between Iran's foreign ministry and US policy experts and think tank analysts in the 1990s. But the channel apparently collapsed early in the controversial presidency of Mahmoud Ahmadinejad—specifically, after Ahmadinejad used the think tank to host a Holocaust denial conference in 2006. (The director of the think tank at the time was replaced in 2009, and Ahmadinejad himself, in his eighth and final year as Iran's president, is under such fire at home that some Iran political analysts have wondered if he will manage to finish out his term in office before Iran presidential elections in June.)

"IPIS is part of [the] Foreign Ministry organization," Abbas Maleki, a former Iranian diplomat who served as founding director general of IPIS from 1980 to 1989, told Al-Monitor by email Wednesday. The head of IPIS has a rank "between deputy foreign minister and head of department. … IPIS is not an independent think tank, it is like Policy Planning in State Department."

The move may also signal Iran's effort to avoid confusion and distortions of policy positions that have occurred in friendly, informal channels in the past, that have influenced thinking in western capitals, sometimes incorrectly, about what terms Iran might be prepared to offer, and willing to accept, in a nuclear fuel swap deal. Unclear is if Iran is seeking to better control such outside channels now to avoid interference with direct contacts.

Dolatyar, who served as Iran's envoy to the UN General Assembly in New York from 2002-2006, and earned his PhD in international relations in England in 1998, according to his IPIS biography, has been involved in talks in the past with American nuclear experts who have gone on to key positions in the US administration.

In 2008, Dolatyar, then director general of the Iran Foreign Ministry West Europe bureau, was among a group of Iranian diplomats who participated in talks with US think tank nuclear experts held in Europe, a participant in the talks, convened by the Pugwash nuclear disarmament conference, told Al-Monitor Tuesday. Among the American experts who attended the "Track 1 ½" talks, held in Vienna and the Hague, was Gary Samore, who was subsequently appointed by President Obama in 2009 to be the top White House nonproliferation advisor. In that role, Samore has been a key member of the US negotiating team participating in six nation "P5+1" talks on Iran's nuclear program. Samore also co-led, together with State Department arms control envoy Robert Einhorn, the US delegation to experts levels talks between the US, Iran, France, Germany, Russia, China and the EU held in Istanbul July 3rd.

Dolatyar, speaking at a nonproliferation conference in Moscow last month, referred to his involvement in negotiations with the Europeans on the Iran nuclear issue in New York in 2003. And he singled out the United States for being the "spoiler" in reaching a compromise in recent P5+1/Iran nuclear talks.

Russian's chief Iran nuclear negotiator, Deputy Foreign Minister Sergei Ryabkov, addressing the same conference, alluded to more going on behind the scenes by way of contacts with the Iranians that meets the eye, including emails and phone calls that have followed a nuclear

experts meeting in Istanbul in July. But he warned that delay in the diplomatic process can lead to back-sliding, and he urged that momentum be stepped up.

"As for Iran and the Iranian issue, the current state of affairs is actually not quite as bad as it might appear to those who are judging the situation only by newspaper headlines or by the number of meetings," Ryabkov told the gathering in Moscow, which was also attended by Samore's aide Laura Holgate, a White House senior director on non proliferation, and acting Under Secretary of State for Arms Control Rose Gottemoeller.

"The nature of the negotiating process is such that if we allow too long a pause, the participants end up returning to the discussion of issues which we thought we had already agreed on," Ryabkov warned. "We don't want that to happen, so we want to continue the negotiating process on all levels."

Meantime, European Union foreign policy chief Catherine Ashton, traveling with US Secretary of State Hillary Clinton in Sarajevo Tuesday, said her deputy Helga Schmid was in contact with Iran's deputy nuclear negotiator Ali Bagheri over the weekend about plans for expected, resumed P5+1 talks next month.

"At the weekend there was contact between my deputy and Dr Jalili's deputy and I will attempt to contact Dr Jalili in the near future," Ashton said at a news conference with Clinton in Sarajevo Tuesday. "I will continue to do everything I possibly can to move these negotiations forward."

There is as yet "no precision on when the contact will take place at this point," a spokeswoman for Ashton subsequently told Al-Monitor.

Separately, a State Department spokeswoman, in an email to Al-Monitor Tuesday, denied a report that appeared in French paper Le Monde last week (October 24) saying that State Department arms control envoy Robert Einhorn has had back channel contacts with Ali Akbar Velayati, a foreign policy advisor to Iran's Supreme Leader Ayatollah Khamenei. "A meeting between Amb. Einhorn and Velayati did not happen," State Department press officer Ariel Vaagen told Al-Monitor by email Tuesday.

Velayati has also denied reports of alleged meetings with Americans

Read more: http://backchannel.al-monitor.com/index.php/2012/10/2914/iran-said-to-tap-tehran-think-tank-to-streamline-us-non-official-contacts/#ixzz2BPtbNCZr

Sino-NK

"A Responsible Nuclear State:" The Moscow Statement and DPRK's Disarmament Dreams

by Jende Huang

At the beginning of September, the Russian-based Center for Energy and Security Studies drew 200 or so experts, researchers and government officials to the "2012 Moscow Nonproliferation Conference: Nuclear Energy, Disarmament, and Nonproliferation." Among the participants were four representatives from the DPRK, apparently led by Jang Song Chol[i], who was identified as the "Director, External Affairs & Disarmament Studies Departments, Institute for Disarmament and Peace, Ministry of Foreign Affairs." KCNA ran a 14 Sept article, "DPRK Will Discharge Its Duty as Nuclear State: Official" reprinting comments from an unnamed official at the conference (surely Jang) who spoke on the topic of "Comprehensive Test Ban Treaty: Ensuring its Vitality"

This statement came at the heels of the pronouncement by the DPRK's Foreign Ministry at the end of August, which laid all of the nuclear tensions on the Korean peninsula squarely at the feet of "continued U.S. hostile policy towards the DPRK," a statement which merited analysis by Stephan Haggard.

The Moscow statement is focused on the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty (CTBT), which would ban "nuclear explosions by everyone, everywhere: on the Earth's surface, in the atmosphere, underwater and underground," according to the Preparatory Commission for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization. Though 183 countries have signed the treaty and its been ratified by 157, for the treaty to come into force, it requires the signature and ratification from all "Annex 2" states, which are the 44 nations which negotiated the treaty and that also had nuclear power reactors or research reactors at the time. According to the NTI,

Of the 44 States included in Annex 2 required for entry into force of the CTBT, all have signed with the exceptions of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), India, and Pakistan. Five of the 44 Annex 2 States have signed but not ratified the CTBT; they are China, Egypt, Iran, Israel, and the United States. The United States and China are the only remaining NPT Nuclear Weapon States that have not ratified the CTBT.

The United States, the DPRK, and the People's Republic of China thus form a triangle of states within the group of non-signatories.

The Moscow Statement | The North Korean statement in Moscow begins with a critique of the CTBT, identifying it as a method to prevent nations from developing nuclear weapons. Jang notes that the CTBT would undoubtedly make a contribution to peace and stability if it went into effect. However, the DPRK considers full nuclear disarmament by all nations as a prerequisite for enforcement of the treaty. Unfortunately, according to North Korean logic, there cannot be real disarmament because of a two-pronged strategy by the U.S., the first being that the U.S. is pushing disarmament in order to weaken the nuclear strength of its enemies (read: the DPRK). The second, more "sinister" prong involves the U.S. using sub-critical testing and other advanced technologies test their stockpile, without needing to do physical tests.

Because other countries "do not measure up to the U.S. in the overall military and economic capabilities" they must focus on developing nuclear weapons. Therefore, if the CTBT were to go into force, it "would give rise to serious inequality and imbalance in the security of each state." The statement notes that through the end of 2009, there were 2,054 nuclear tests carried out globally, of which "99.99 percent of those were carried out by permanent member states of the United Nations Security Council." Because established nuclear powers had done so much testing, they no longer have a need for it, putting a nation such as the DPRK in a bind, because they "need to be equipped with self-defensive nuclear deterrent in order to cope with the direct nuclear threats of the U.S."

Jang went onto note that because the 2010 Nuclear Posture Review didn't guarantee that nuclear weapons wouldn't be used against the DPRK and Iran, it meant that a preemptive nuclear strike by the U.S. was "a fait accompli." He pointed out that if nations such as France and the UK deem it necessary to maintain a nuclear deterrent even though they're a part of NATO and aren't under "threats of war," the DPRK is surely justified as well. Going beyond the CTBT, Jang suggests that more important "than enforcing CTBT is to establish an international legal framework on unconditional ban on the use and complete removal of existing nuclear weapons worldwide" and to work out a method for "nuclear disarmament and removal based on mutual trust." The cause of the continued arms race is the U.S. efforts at modernization of its nuclear weapons, and if this were to halt, the DPRK "would discharge its responsibility and duty as a responsible nuclear state for the nuclear non-proliferation in the future."

The Breakdown | Beyond the standard anti-U.S. tropes found in these sorts of statements, there are a few points of interest. It's true that a ratified and enforced CTBT would benefit the national security of the U.S., by virtue of not allowing other nations (including the DPRK) to do any more tests of nuclear explosions. However, the world in general benefits from a ban on nuclear testing. And if the U.S. were in support of the CTBT only for nefarious purposes, how does the DPRK explain, then, that the U.S. has signed, but not yet ratified the treaty? From the North Korean point of view, shouldn't the U.S. have been the first country to sign and ratify the CTBT, if the goal was to prevent other nations from doing any further nuclear tests?

In many ways, the DPRK has more to fear from U.S. ratification of the CTBT. If the U.S. were to ratify, this would put pressure on other countries. As the Bulletin of Atomic Scientists notes: "If nothing else, China has indicated that it will ratify if the United States does. This would further strengthen the global norm against nuclear testing and encourage other holdouts, such as India and Pakistan, to ratify…" And if the Chinese ratified, they would then be in a position to put pressure on the DPRK to do the same. Beijing, of course, has its own interests at heart when wanting to prevent nuclear tests so close to their territory. Though it's always a guessing game as to how much influence the Chinese really have, if the North Koreans were convinced to ratify, it would also serve as a major diplomatic accomplishment for China.

Disarmament: not quite *fait accompli* | Taken on face value, this DPRK's statement calls for a nuclear-free world and ostensibly echoes what President Barack Obama said in 2009 in Prague, where he expressed his desire "to seek the peace and security of a world without nuclear weapons." But it is difficult to fathom what set of conditions would have Pyongyang shut down its enrichment and weapons programs and allow in international inspectors to verify this.

Though the Moscow statement may make diplomats in Vienna happy, the DPRK will strenuously avoid ever being put into a situation where they would lose their rhetorical justification for keeping their nukes. For every step that the world takes to reduce their nuclear stockpiles, Pyongyang has an unending reservoir of threats they see from the West that justifies the continued need for their weapons and enrichment facilities. The DPRK has nothing to lose from making statements such as this, because the future in which Pyongyang will feel secure enough to become a "responsible nuclear state" is a day they will never let arrive.

References: Obama, Barack. "Remarks by President Barack Obama" Speech from Hradcany Square, Prague, Czech Republic, April 5, 2009. http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/

Preparatory Commission for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization. http://www.ctbto.org/

Tauscher, Ellen. “The Case for the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty” Speech from Arms Control Association Annual Meeting, Washington D.C., May 10, 2011. http://www.state.gov/t/us/162963.htm

---

[i] Someone with the same name is identified, in passing, as the Third Secretary of the DPRK’s UK embassy in 2008. The same person can also be seen saying a few words to a gathering of the Communist Party of Great Britain (Marxist-Leninist).

KCNA

DPRK Will Discharge Its Duty as Nuclear State: Official
Pyongyang, September 14 (KCNA) -- The head of the delegation of the Institute for Disarmament and Peace of the DPRK Foreign Ministry on Sept. 7 made a speech on the theme "Comprehensive Test Ban Treaty: Ensuring its Vitality" at the Moscow international conference on nuclear disarmament and non-proliferation.

The full text of his speech is as follows:

CTBT basically aims at not allowing the qualitative improvement of the existing nuclear weapons and the development of any new types of nuclear weapons, through banning all sorts of nuclear tests that accompany physical nuclear explosion in the air, outer space and under water and ground.

Accordingly, all governments that have signed this treaty are neither allowed to conduct nuclear tests or other nuclear explosions inside their own countries nor to be involved in any kinds of acts that instigate or encourage such explosions.

In a nutshell, the main objective of this treaty is to fundamentally eliminate any possibilities of nuclear development.

Once this treaty becomes effective and displays its vitality, then there is no doubt that it would make a great contribution to the world peace and stability. However, CTBT still has not come into effect though 16 years has passed after its adoption. Then what could be the reason for that?

It is because the current situation of the nuclear disarmament is too far distant from the treaty's ideal.

The realistic and massive nuclear disarmament is the pre-condition for enforcing the treaty.

But currently, the world-wide nuclear disarmament is not making satisfactory progress due to the disagreements and conflicts in the interests of the main nuclear powers.

In particular, the U.S., which emerged a nuclear superpower after the end of the Cold War with the Soviet Union, is exerting all its efforts to take pre-emptive measures to prevent the appearance of any other nuclear power and to secure the overwhelming superiority in the strategic nuclear armed forces.

For this, the U.S. is initiating nuclear disarmament negotiations in order to weaken the nuclear power of the potential enemies while seeking absolute military and strategic supremacy by enforcing qualitative modernization of its nuclear weapons and building strategic missile defense system.

What is more serious is that the U.S. is enhancing the efficiency of the nuclear weapons without physical nuclear tests by making the ill use of the advanced technology such as sub-critical nuclear testing technologies and thus, deceiving the world public opinion and veiling its sinister intentions.

As the U.S. is pursuing high-handed politics based on the powerful military capability, still seized with the Cold War way of thinking, tensions have become more acute in the world.

It is for this reason that other nuclear powers that do not measure up to the U.S. in the overall military and economic capabilities are giving priority to nuclear weapons in their security policy in order to retain their position by maintaining the basic strategic balance.

In case we avoid the complete elimination of existing nuclear weapons and unilaterally execute CTBT, it would give rise to serious inequality and imbalance in the security of each state and this would rather bring about irretrievable consequences in the global peace and stability.

Up to the end of 2009, the world recorded a total of 2 054 nuclear tests and 99.99 percent of those were carried out by permanent member states of the United Nations Security Council.

The nuclear powers conducted many nuclear tests and built up their nuclear arsenal as much as they could and thus monopolized the nuclear weapons.

Therefore, no more nuclear tests are necessary for them and still, they can exercise their influence as much as they want in the international stage as a nuclear power by depending on their existing nuclear arsenal.

Given this current situation, countries like the DPRK can not but take the issue of signing CTBT seriously because they are placed in special circumstances beyond control where they need to be equipped with self-defensive nuclear deterrent in order to cope with the direct nuclear threats of the U.S., the only nuclear superpower of the world.

The U.S. hostile policy toward the DPRK has been enforced for more than half a century to eliminate the DPRK.

What's more serious is that the U.S. has its national policy of not ruling out the use of nukes in order to stifle the DPRK.

In the "2010 Nuclear Posture Review", the U.S. refused to give the guarantee to nonuse of nuclear weapons against the DPRK and Iran and thus, made a pre-emptive nuclear strike a fait accompli.

In addition to this, the U.S. stages frantic nuclear war exercises against the DPRK every year with massive nuclear strike means in and around the Korean Peninsula.

The constant U.S. hostile policy and threats forced the DPRK to carry out nuclear tests twice and possess nuclear deterrent as part of the self-defensive measures aimed at safeguarding the security and sovereign rights of the country.

Even countries like France and UK that are not directly under the threats of war as being member states of the NATO, regard the nuclear deterrent as a guarantee for ensuring sovereignty and peace. So it is needless to say that the DPRK should take the same approach to defend itself.

Unless the U.S. hostile policy and its nuclear threats are completely withdrawn and a solid and permanent peace regime is in place on the Korean Peninsula, the DPRK is left with no other choice but to steadily strengthen its self-defensive nuclear deterrent to the standard as it deems necessary.

It is so clear that unless the U.S., the nuclear superpower which is allegedly playing a "pivotal role" in the world peace and stability, abandon its plan to seize the military supremacy based on the modernized nuclear weapons and give up its nuclear threats to the anti-imperialist independent countries like the DPRK, the prevention of nuclear weapons development through CTBT would remain a mission impossible.

Only when CTBT is enforced under the pre-condition that the nuclear weapons would be completely removed on a worldwide scale can all states be granted practically equal and just obligations and rights.

In that sense, the more pressing issue than enforcing CTBT is to establish an international legal framework on unconditional ban on the use and complete removal of existing nuclear weapons worldwide and work out impartial and proportionate measures for nuclear disarmament and removal based on mutual trust.

In order to make CTBT effective in the reality, its pre-conditions should be ready and for that, the main nuclear powers should fulfill their responsibility and duty in the efforts to thoroughly remove the source of the nuclear war in the world.

Especially it is important for the U.S., a nuclear superpower of the world, to promptly stop all acts of military buildup that destroy the world stability such as modernizing and conventionalizing nuclear weapons as well as developing new ultra-modern weapons in substitute for nukes.

Unless the U.S. puts an end to these maneuvers, we would never see the folding up of arms race among the great powers aimed at defending their own security and strategic interests and this would produce grave consequences to the world peace and stability.

As repeatedly clarified, the DPRK would discharge its responsibility and duty as a responsible nuclear state for the nuclear non-proliferation in the future.

GLOBAL SECURITY NEWSWIRE

Russia Rejects Independent Nuke Curbs

Sept. 7, 2012

Russia has no intention of cutting weapons from its nuclear force in the absence of comparable steps by other powers, a high-level Russian diplomat told Interfax in comments published on Thursday.

Russian Deputy Foreign Minister Sergei Ryabkov said his country "will not take any unilateral steps in that sphere. There must be a balance; otherwise that would be irresponsible as regards national security."

He added: "This is not just a necessity. It is imperative. We will not take further steps without their account."

A bilateral strategic nuclear arms control treaty commits Moscow and Washington by 2018 to each limit their deployed strategic nuclear weapons to no more than 1,550 warheads and 700 delivery systems. President Obama has said he would like to open new bilateral arms control talks with Russia that would cover deployed long-range nuclear arms as well as nonstrategic warheads and weapons held in storage.

Ryabkov referred to the challenge of assessing the capabilities of nations outside the Nuclear Nonproliferation Treaty. India and Pakistan each possess atomic arsenals beyond the NPT regime; Israel has not signed the pact and is widely assumed to hold such armaments, while North Korea has conducted two nuclear tests since withdrawing from the treaty in 2003.

"There is no unified approach to the reckoning of these potentials in our discussion. Being adherent to NPT commitments, including Article 6 covering nuclear disarmament, Russia will be doing that," Ryabkov said.

"When tens of thousands of warheads existed amidst the Cold War, the significance of nuclear potentials of the states, which were much smaller than the arsenals of the two super powers, was clearly much smaller," the diplomat added. "Those potentials were immaterial in the 1970s-1980s."

"In recent years, due to many factors, including the implementation of a number of bilateral agreements by Moscow and Washington, we have reached levels of warheads and delivery vehicles, which still exceed the armaments stock and potential of other nuclear countries but are already different," Ryabkov said.

"The significance of armaments and technologies of missile defense and space deployment grows," he added. "Naturally, we cannot overlook the U.S. prospective potential of a global flash strike of conventional warheads.

"I would not even mention conventional armaments, the sphere of big misbalances. The interrelation of these factors is obvious. We will be simply unable to progress without a comprehensive solution of technological breakthrough problems, certain political decisions," Ryabkov said.

Meanwhile, protection of nuclear materials, the continued atomic impasse with Iran, and antinuclear efforts on the Korean Peninsula are anticipated focuses of this year's Moscow Nonproliferation Conference, ITAR-Tass reported. Envoys and specialists from 40 nations were due to participate in the event, which was set to begin on Thursday and continue through Saturday.

Russia "adheres to a comprehensive strategy on reduction and restriction of nuclear arsenals under conditions of equal and indivisible security," Russian Foreign Minister Sergei Lavrov said previously.

The top Russian diplomat said Moscow "supports constructive dialogue with all political forces and nongovernmental movements promoting further reduction of the nuclear threat."

Ryabkov said proposals to update the Nuclear Nonproliferation Treaty have prompted questions in Moscow. The most recent NPT review conference took place in 2010 and the next is scheduled for 2015.

The reassessment process "makes us set more clear goals and objectives in terms of strengthening the treaty and the nonproliferation regime as a whole," ITAR-Tass quoted him as saying. "We are concerned over the recurring attempts at questioning the future of the treaty and revising some of the key elements of the existing system."

"Russia is ready to continue on the path of verifiable and irreversible reductions of nuclear weapons, in accordance with the obligations under Article 6 of the NPT," he added.

http://www.nti.org/gsn/article/russia-rejects-independent-nuke-curbs-senior-diplomat-says/

STRATEGIC CULTURE

Iranian and North Korean Nuclear Programs in the Spotlight

In many regards, the September, 2012 Nonproliferation Conference which convened in Moscow proved to be a remarkable event. Importantly, it combined plenary sessions and talks by invited speakers with six sections on the nuclear themes centered around North Korea and Iran.

The conference is a unique forum drawing staunch opponents – representatives of both Koreas, of Israel and Iran – into intense dialog. Scholars from the DPRK have visited every Moscow Nonproliferation Conference since it was held for the first time in 2010. As of today, broad inclusiveness is the forum's established tradition.

The Korean Peninsula

Pyongyang's team at the conference was led by Jang Song Chol, director of External Affairs and Disarmament Studies Departments of the Institute for Disarmament and Peace, which is run by the DPRK Ministry of Foreign Affairs.

As a Korean affairs expert and chair of the section titled “Energy Security and Nuclear-Free Status of the Korean Peninsula: How to Achieve Both Goals”, the paper author was mainly interested in the host of issues pertinent to the nuclear problems on the Korean Peninsula. The view widely held across the world is that the North Korean controversial nuclear program grew out of Pyongyang's political ambitions and adversarial stance vis-a-vis its neighbors. As a result, the growing energy needs of the North Korean economy are seldom taken into account, while the country has no carbohydrates reserves (oil and gas) and only a limited set of hydroenergy

options, but sits on appreciable amounts of uranium and has serious reasons to tap into the nuclear energy potential. Under similar natural geographic circumstances, neighboring Japan and South Korea cultivate their nuclear energy sector (the former operated 54 reactors prior to the Fukusima disaster and the latter runs around 30), and take no hammering for doing so. In contrast, North Korea's adopting the same strategy met with the Western powerful resistance. The DPRK envoy stressed in his talk that his country, like any other, simply must make due efforts to have its energy security guaranteed. The plan for a nuclear power plant has existed in the DPRK for years. The first project to this end – with the assistance from the Soviet Union – failed to go beyond picking an appropriate site as the USSR crumbled. Later the US pledged, as a part of the 1994 Agreed Framework, to build a couple of 1 MW light water reactors in North Korea by 2003, but G. Bush's Administration was quick to scrap the corresponding treaty upon settling down in the White House. With the negative experiences piling, Pyongyang naturally decided in favor of constructing a light water reactor independently.

The North Korean speaker's arguments, both strong and unconventional, clearly grabbed the attention of the audience. Touching upon the construction of a gas pipeline which is to link Russia and South Korea while traversing North Korea, he focused on the risks to which his country would be exposed, considering that N. Korea's benefits under the contract are limited to transit fees, with no gas to be diverted to its needs. Pyongyang will be responsible for the security and technical condition of the pipeline segment to be hosted by North Korea, the project partners will be authorized to handle issues within its domestic jurisdiction, and vast areas of arable land would have to be sacrificed to the infrastructure. According to the speaker, the motivation on Pyongyang's behalf was largely altruistic: Russia that regards energy resource export as its highest priority and the DPRK being friends, Pyongyang felt it would be a good idea to help Moscow advance its key interests along with pursuing those of all Koreans, regardless of the divide. Jang Song Chol held that the explanation behind the constant resistance Washington mounts implicitly to this and other trilateral projects – the electric power transit from Russia to South Korea via North Korea, the connection of the rail networks of both Koreas to Russia's Trans-Siberian railroad – is that the US fears the increasing Russian centrality to the Asian energy cooperation and worries that the countries of the region first of all Washington allies might grow dependent on Russia for energy supplies. Jang Song Chol also said that the linkage between denuclearization and energy security on the Korean Peninsula is absolutely artificial. For Pyongyang, even a task as important as maintaining energy security cannot overshadow concerns over the sufficiency of its defense capabilities.

The Chinese speaker presented a curious analysis in his talk. He confirmed that Beijing would steer a course aimed at preventing the collapse of North Korea, steadily expanding the cooperation with the country. He opined that, when Kim Jong-il died in December, 2011, China took a number of preemptive steps to warn the US, Japan, and S. Korea against undermining the the DPRK fragile stability in the middle of the transition.

The US representative blamed the derailing of the 1994 Agreed Framework agreement and of the subsequent deals, along with the stalling of the six party talks in Beijing, entirely on the DPRK. He painted a picture based on the contrast between the prosperous and nuclear-free South Korea and the destitute but nuclear-armed North Korea. The speaker indicated that talks between Washington and Pyongyang might resume, but only if South Korea is involved. Jang Song Chol responded by saying that the inter-Korean relations are up to the Koreans and questioned whether his US counterpart actually represented the US or the ROK if he asserted that the road to Washington passed via Seoul.

The Russian speaker surveyed how the DPRK has dealt with its energy dilemma. He mentioned that the north got 70% of the energy generating capacities following the liberation of Korea, but

most of the assets were destroyed by the US air raid during the Korea War. Besides, the energy consumption in North Korea dropped by 40% in the 1990ies when the USSR, the country's main supplier of crude and spare components for the Soviet-built power plants, went off the scene. In fact, the DPRK leadership started to eye nuclear energy in the 1950ies, especially after Kim Jong-il toured Russia's Obninsk nuclear power plant in 1956, the world's first facility of the type, built in 1954. A technical assistance agreement was signed in 1959 and the USSR took to training hundreds of North Korean nuclear physicists. With the backing, North Korea created its own nuclear industry which, like elsewhere, served a dual purpose.

Evidently, the participation of the DPRK speakers in the conference and their competent reaction to the avalanche of questions were the forum highlights. In many instances, their talks came almost as a revelation for the audience.

Iran and Its Opponents

The debates attended by the Iranian scholars were another focal point during the conference. The country was represented by Dolatyar Mostafa, Director General of the Institute for Political and International Studies (IPIS), and Tehran University professor of political sciences Hadian-Jazy Nasser. Their talks featured the generally familiar especially to observers monitoring the Korean Peninsula nuclear issue theses: they stated that Iran would not bow to pressure and sanctions, that denying Iran the rights available to other countries was unfair, and that in any talks the legitimate concerns of both sides must be accommodated and the adjustment of positions must be bilateral.

The message sent by the Iranian speakers was that if the country decides to build nuclear weapons, no external forces would be able to stop the process (even India and Pakistan, the two countries hardly better equipped technologically and financially than Iran, have created nuclear arsenals). Tehran, however, is not interested in becoming nuclear-armed for an array of reasons. Some of them were named. Its acquiring the nuclear status would trigger a chain reaction across the region, and if Iran's opponents put nuclear warheads on missiles which can reach Tehran in a matter of 2-3 minutes, Tehran's security would actually sink to an all-time low. Moreover, Iran's current superiority over neighbors in conventional warfare would be depreciated if the security problem switches to the nuclear mode. Still, if the West launches a military campaign against Iran, its radicals pressing for a nuclear warfare program – a minority in the Iranian political spectrum at the moment - would emerge from the situation stronger than ever.

Getting over the current stalemate would take a weighty package of stimuli, not sanctions. If the approach is adopted, the top-sensitive issues – the allowable level of uranium enrichment, numbers of centrifuges, the list of facilities subject to international scrutiny, etc. - will finally become negotiable.

The Iranian and Israeli speakers predictably sparred over the Iranian nuclear program. A professor from Tel Aviv called Iran to demonstrate greater transparency and to agree to sweeping inspections, tighter restrictions, etc. The Iranian scholar suggested in return that the Israelis take a realistic look at their own country where not only any discussions but even brief mentioning of the national nuclear program are a taboo. The heated debate was by all means meaningful and should be counted among the achievements of the forum.

The political polyphony stemming from the nations' divergent visions of security and from the complexity of the relations both between the nations and between some of the nations and the international organizations accompanied the forum throughout. The conclusion at which the majority of participants appeared to arrive was that these days, more than in any other epoch, the

Nuclear Nonproliferation Treaty is an absolute necessity. The Treaty and the international groups enforcing it – the IAEA and others – implement their mission at the face of real challenges. No doubt, the Nonproliferation Treaty requires timely modernizations and a continuous adaptation to the evolving global conditions, part of the purpose being to ensure unbiased treatment of all countries on the foundation of shared and unambiguous criteria. Anyhow, no alternative to the treaty which provides a comprehensive mechanism of keeping the world's whole nuclear sphere in check, looms on the horizon.

Alexander VORONTSOV is the Head of the Korea and Mongolia Department at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

The paper is an account of the Moscow Nonproliferation Conference held in Moscow, the Marriott Grand Hotel, on September 6-8, 2012

http://www.strategic-culture.org/pview/2012/10/01/iranian-and-north-korean-nuclear-programs-in-the-spotlight.html

SECOND LINE OF DEFENSE

The Middle East and North Korea: CTBT Hard Cases

2012-10-19 by Richard Weitz

The current nuclear crises involving Iran and North Korea make it unlikely that either of these two countries, or Egypt and Israel, will soon join the CTBT.

Current U.S. priorities are rightly on preventing further North Korean nuclear tests as well as keeping Iran from developing a nuclear weapon. Iran, like Israel, could develop a nuclear weapons capacity even in the absence of testing. The possibility of Egypt's testing a nuclear weapon is even more remote, but the tense relationship between the current governments in Egypt and Israel make it improbable that Egypt will soon join the NPT.

The international community is currently seeking to entice Iran, Israel and Egypt to attend a Middle East WMD conference, which could seek to deal with the CTBT issue as part of the proposal to make the Middle East a WMD free zone.

But progress in this area is also remote.

The Middle East: General Considerations

Progress is stymied by regional turmoil due to the Arab spring and Iran's refusal to provide verifiable guarantees that it is not seeking a nuclear weapons capacity.

Egyptian officials, while expressing support for the principles underpinning the CTBT, have indicated they will not ratify the accord until Israel joins the NPT.

At the September 2005 CTBT Entry-Into-Force Conference in New York, the Egyptian delegate, Amr Aboul Atta, reaffirmed his government's support for a Nuclear Weapons Free Zone in the

Middle East and other arms control measures. But he added that "we cannot regard the treaty as a secluded legal instrument apart from our common objectives to achieve nuclear disarmament and the universality of non-proliferation. Hence Egypt calls for the achievement of the universality of both the NPT and the CTBT together." Atta specifically referred to "the importance of Israel's accession to the Non-Proliferation Treaty and the placement of all its nuclear facilities under Comprehensive IAEA safeguards." The new Egyptian government has not given any indication of changing this position.

The Israeli government signed the CTBT on September 25, 1996.

Two auxiliary seismic stations and a radionuclide laboratory belonging to the IMS are being established on its territory. In addition, Israeli representatives have helped develop the CTBTO's on-site inspection mechanism and other treaty procedures.

Israel's own ratification of the treaty would not present any major security difficulties since Israel is widely considered to have developed an effective nuclear arsenal even in the absence of nuclear weapons testing.

At the Second Entry-into-Force Conference in 2001, Israel's head delegate expressed strong support for the treaty, but raised concerns about misuse of the verification regime to collect sensitive information concerning Israel's security, efforts by the other treaty members to exclude Israel from the CTBTO's Middle East and South Asia (MESA) region, and the non-membership of other Middle Eastern states (such as Iran and Egypt) in the CTBT.

At the Third Entry-into-Force Conference, the Israeli delegate, Itshak Lederman, Senior Director for CTBT and Special Projects at the Israeli Atomic Energy Commission, again publicly backed the treaty. He explained that "Israel's signature to the CTBT in September 1996 reflects its long standing policy to bring itself closer, wherever possible, to international norms on nuclear safety, security and non-proliferation."

In the case of the CTBT, however, Lederman expressed reservations about possible misuse of the on-site inspection mechanism and efforts to exclude Israel from the CTBTO Executive Council, which will influence the procedures for any on-site inspection. Lederman also expressed unease about the commitment of other Middle Eastern governments to comply with the treaty.

Some nuclear industry experts anticipate that, if the United States ratifies the CTBT, the Israeli government will do likewise in the hopes of lifting the trade embargo the Nuclear Suppliers Group has imposed on Israel. The NSG recently lifted a similar ban against India, but Israeli policy makers believe that Israel, unlike India, will need to ratify the CTBT to receive similar treatment.

Until then, Israelis will also hesitate to join the CTBT until they have a better sense of their emerging security environment. In this regard, Iran's continued progress in developing a nuclear weapons capacity is not helpful.

The Iranian Case

The government of Iran has signed the CTBT but has declined to ratify it.

Iranian officials have complained that, by banning only nuclear explosions, the treaty fails to achieve comprehensive nuclear disarmament. They have also criticized Israel and the United States for failing to ratify the CTBT.

Natanz Uranium Enrichment Site in Iran (Credit: http://publicintelligence.net/iran-nuclear-site-natanz-uranium-enrichment-site/)

Citing a constitutional prohibition that disallows the implementation of commitments for treaties the parliament has not ratified, in January 2007 the Iranian government suspended data transmissions from the five IMS monitoring stations on its territory to the International Data Center that monitors potential nuclear explosions.

Over the long run, the decision of the Iraqi government to sign the CTBT on August 19, 2008, more comfortable ratifying and adhering to the treaty. Iraqi forces employed chemical weapons against Iranians during their 1980-88 War, and the two states might naturally seek to balance one another's unconventional warfare capabilities. (The government of another Arab country, Lebanon, ratified the CTBT in late November 2008.)

Iran's ratification of the CTBT would help reassure those suspicious of Iran's nuclear intentions. But major progress in reducing the risk of nuclear war in the Middle East will probably require a change in the foreign policy, and hence the nature, of the Iranian regime.

North Korea

North Korea is the only country that has (twice, in October 2006 and May 2009) tested a nuclear weapon in the past decade.

The new The Democratic Peoples Republic of Korea's (DPRK) leadership has threatened to conduct more nuclear tests, and experts noted preparations for another test this summer, but thus far Pyongyang has, for unknown reasons, refrained from doing so.

Further DPRK nuclear weapons tests will weaken regional security, challenge the nonproliferation regime, and stimulate those in Japan and South Korea who want their own country to develop nuclear weapons.

The Bush and Obama administrations have declined to pressure North Korea to sign the CTBT. Instead, they have focused their efforts on the Six-Party Talks, which aim for the complete denuclearization of the Korean Peninsula. If the Talks were ever to succeed, they would eliminate North Korea's nuclear weapons capacity more directly by constraining its nuclear research and development programs rather than just its nuclear testing.

The fact that Pyongyang's main foreign ally, China, has yet to ratify the CTBT may also have decreased pressure on the North Korean leadership to sign and ratify the CTBT. North Korea has never sent an official to the biannual Article XIV entry-into-force conferences or displayed any other intent to join the CTBT.

The governments of South Korea and Japan have more explicitly urged Pyongyang to sign and ratify the treaty, but they appear to exert less influence than Washington or Beijing on North Korea's nuclear policies. (The South Korean government has been a strong supporter of the CTBT, having signed and ratified the treaty at an early opportunity.)

At the 2012 Moscow Nuclear Nonproliferation Conference, Chang Sung Chul, the International Affairs Directorate at the Institute of Disarmament and Peace of the DPRK Foreign Ministry, openly defended his country's right to test and possess nuclear weapons by arguing that the United States continued to threaten Pyongyang with a nuclear strike.

In fact, the U.S. defense treaties with South Korea and with Japan require the United States to defend these countries from North Korea, but does not obligate the United States to use nuclear weapons, or any particular means, to do so.

Conversely, the 2010 Nuclear Posture Review states that the United States will not use nuclear weapons against states that do not have nuclear weapons and comply with their nuclear nonproliferation obligations. North Korea fails both tests.

Chul indicated he DPRK would only support the CTBT as part of a process of comprehensive and universal nuclear disarmament, which is unlikely to soon occur.

Proponents of the CTBT cited the success of the IMS in detecting the nature and magnitude of the explosion as demonstrating its effectiveness. In October 2006, the IMS easily detected North Korea's detonation of a nuclear test explosion, which fell below the 1-kiloton threshold, sometimes erroneously described as the lowest assured verification level offered by the CTBT regime. They warned, however, that the North Korean action, which violated a de facto moratorium against nuclear testing, underscored the need to secure universal CTBT ratification.

Treaty opponents observed that the North Korean test, as well as Pyongyang's earlier withdrawal from the NPT, showed the limited utility of applying nuclear arms control measures to rogue regimes.

http://www.sldinfo.com/the-middle-east-and-north-korea-ctbt-hard-cases/